

НАТАЛІЯ ЛЕВИТИНА

НЕ УЛЫБАЙСЯ
НЕЗНАКОМЦУ

Журналистка Юлия Бронникова

Наталия Левитина

Не улыбайся незнакомцу

«Автор»

2010

Левитина Н.

Не улыбайся незнакомцу / Н. Левитина — «Автор»,
2010 — (Журналистка Юлия Бронникова)

«Юлия Б., 33, журналист: Мой парень не работает уже полгода, у него жесточайшая депрессия. Лежит на диване и слушает музыку – трагическую и возвышенную. Проедает деньги, вырученные от продажи „Лексуса“. А ты вертишься весь день, как белка в колесе, потом приходишь домой и видишь любимого в позе тюленя... Немного, знаете ли, раздражает!» Вот она – издевательская ухмылка кризиса! Любимый Юли Бронниковой пополнил ряды безработных, ее журнал вот-вот откинёт хрустальные копытца, да и у подруг судьба не слаще: бывшая жена «нового русского» продает выпечку, а вчерашняя акула бизнеса стала обычной управляющей кафе... Неужели все лучшее у них в прошлом? С этим Юля смириться не может. Но куда приведет новая авантюра, в которую влезла Юля, пытаясь улучшить качество их жизни?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталия Левитина

Не улыбайся незнакомцу

Глава 1

Почему он не работает?

– Юля, мне надо обсудить с тобой одно важное дело, – сказала мама Никиты. – Встречаемся завтра. В одиннадцать у меня.

Голос свекрови звучал напряжённо. Мое сердце замерло.

Ну что там опять?

Не жду ничего хорошего. У Ланы Александровны постоянно возникают «важные дела», а отдуваться приходится мне. Две недели назад, к примеру, мы сорвались с места, даже не выпив утренний кофе, и помчались в соседний город. Там принимал знаменитый ветеринар, просто какое-то непревзойдённое светило в своей области. А у Ланочкиной подруги собирался отбросить копыта её любимый чихуахуа. И конечно, только меня и можно было использовать для транспортировки полудохлой собачки из одного мегаполиса в другой.

Это двести километров, между прочим!

С тех пор как я научилась плавно тормозить и перестала путать передачи, Ланочка уверенно эксплуатирует мой водительский тау неё на подхвате. Вот и помчалась к чёрту на рога по первому требованию, чтобы спасти породистого заморыша и угодить свекрови... В пути пёсика жутко колбасило, несчастное существо уделало салон лимузина. Я всерьёз опасалась, что довезу до профессора всего лишь очаровательный трупик и двух безутешных плакальщиц. В гибели собачки обязательно обвинили бы меня – я всегда у Ланочки крайняя!

Но, к счастью, обошлось. С малышом проделали какие-то манипуляции, накачали его лекарствами и отправили восвояси. Знаменитый врач не подвёл, спасибо ему. Хотя, возможно, собачий недуг был сильно преувеличен испуганной хозяйкой.

Зато я же убила целый рабочий день, сорвала интервью, не написала ни строчки, а также истратила кучу денег на бензин. Плюс к тому по возвращении пришлось отогнать автомобиль на генеральную чистку салона. В автосервисе на меня посмотрели как-то странно. Наверное, решили, что я перевозила в машине не одну маленькую собачку, а стадо коров с кишечной инфекцией.

И что же в результате? «Ах, Юля, – прогундела Ланочка, – ты невнимательна на дороге, ты как-то неаккуратно едешь, будто дрова везёшь! Я думала, мы улетим в кювет...»

Вот и вся благодарность!

А однажды, когда речь тоже шла о «деле невероятной важности», Лана Александровна подрядила меня пересаживать пальму. Я попыталась внедрить в ее сознание мысль, что именно я, Юлия Бронникова, засушила несколько поколений редакционных фиалок и уморила десяток кактусов (хоть это было нелегко!), но свекровь не слушала. Она проконсультировалась со специалистом, и ей рекомендовали пересадить пальму в ближайшие двадцать позицию почв и подкормок. Иначе растению крышка. Поэтому я получила в руки лопату, мешок удобрений и была допущена к драгоценному бревну. Пальма весила не менее тонны и выглядела гораздо более жизнерадостной, чем я в тот критический момент. И кстати, чем сама спустя неделю после пересадки. Теперь до конца моих дней Ланочка будет желчно припоминать мне это бедное растение.

Но я, вообще-то, предупреждала!

Так, а что меня ждёт сейчас? Какое ещё «важное дело» возникло у Ланочки? Какой сюрприз она приготовила?

– В одиннадцать не могу, – вяло попыталась увильнуть от встречи я. – Работаю.

В конце концов договорились на обеденное время.

На следующий день мы встретились с Никитиной мамой в кафе неподалеку от редакции «Удачных покупок», где я доблестно тружусь. Я пришла первой и заняла столик. Вокруг роились студенты, шумно и радостно поедавшие бизнес-ланч. Да, «бедный студент» сейчас не тот, что во времена Достоевского! Парковка рядом с университетом забита дорогими иномарками – дети привезли себя на лекции...

Ланочка выглядела великолепно в красивой длинной шубе. Я резко снизила пушистость свекрови, пристроив ее рысь рядом с моим пуховиком на вешалке.

– Лана Александровна, что стряслось? Почему мы не могли поговорить по телефону?

Ланочка осматривала кафе с гримасой отвращения – мол, куда я её заманила?

Нормальное заведение. Можно подумать, она питается исключительно в ресторанах, осенённых мишленовскими звёздами. Впрочем, надо признать, Ланочка действительно выглядела так, словно собиралась заглянуть на чай в Кенсингтонский дворец: укладка, маникюр, костюмчик.

Вот откуда в Никите утончённость – от мамочки! Мой любимый юноша, разбуди его среди ночи, без запинки проспиргует сотню неправильных французских глаголов. Он разбирается в приправах, знает, к чему подходит розмарин, а к чему – базилик. И болезненно морщится, когда у модного певца ми-бемоль отклоняется на одну восьмую тона. А я такая неотёсанная... Не знаю французского. Хоть убей, не отличу майоран от куркумы.

Крестьянка!

Ах, вот ещё что: я прямо сейчас пытаюсь отравить Никитину мамочку в какой-то забегаловке.

Ну уж извините!

– Юля, что происходит? – трагически начала Лана Александровна. – Уже наступил март!

– Да? Действительно, – согласилась я.

Вот так всегда: только справили Новый год, ещё не восстановили силы после праздничного отдыха, а уже два месяца куда-то улетело. Растрочена одна шестая часть наступившего года. Как жаль! Хотя, если вспомнить, я очень плодотворно поработала в эти два месяца. Написала одну статью для «Стильной леди», четыре для «Удачных покупок» и заключила три договора на рекламу...

А мой милый всё это время лежал на диване. Пил пиво. Смотрел хоккей или щёлкал пультом музыкального центра. В колонках рвалась и бушевала музыка, трагическая, возвышенная – у Никиты депрессия.

– Уже наступил март, а Никита так и не нашёл работу! – со слезами в голосе произнесла свекровь.

Я упорно считаю Лану Александровну своей свекровью и испытываю к ней горячие родственные чувства. Но Ланочка, подозреваю, не теряет надежды отвертеться от почётного звания. Пока Никита не сделал мне официального предложения, для нее еще не все потеряно. Не беда, что мы уже четыре года вместе, не важно, что без меня Ланочка как без рук – я столько всего для неё делаю! Но знаю: она мечтает увидеть рядом с сыном совершенно другую девушку. У той должна быть внешность «мисс Вселенной», мозги профессора молекулярной физики и характер служанки из бразильского сериала... как же её звали... Зилда? Розария? Не важно. Та латиноамериканская труженица вкалывала как вол – мыла, стирала, гладила, готовила на две семьи, выслушивала нытьё хозяйки, нянчила детей, но при этом никогда не переставала улыбаться...

Собственно, характер у меня ангельский. Но мозги и внешность, конечно, далеки от идеала, созданного воображением Ланочки. Зато я научилась плавно тормозить и уже почти не путаю педали. Потому что это не дело, когда любимая свекровь таранит головой лобовое стекло (в прошлом году у нас был такой случай – просто трагедия...).

– Юля, почему Никита до сих пор не нашёл работу? – настойчиво повторила Лана Александровна.

Какая она интересная!

Почему бы не задать тот же вопрос собственному сыну? А не выдёргивать меня из редакции, где я так славно раскладывала пасьянс и трепалась с девочками. Вернее, трудилась в поте лица.

– Чтобы найти работу, её надо искать, – трезво заметила я.

– И?

– Никита не ищет.

– Но почему?!

– У него депрессия.

И я очень хорошо его понимаю. Никита имеет полное право на депрессию. Он столько лет работал на концерн «Фростком», выкладываясь на полную катушку! Он тратил не только силы, но и душевную энергию. Искренне верил, что с владельцем компании (тоже Никитой) его связывает дружба, а не взаимоотношения «начальник – подчинённый»...

Являясь замом по развитию, Никита, как трудолюбивый садовник, растил и лелеял своё детище, ездил по стране, открывая филиалы. Он отвечал за многое и курировал огромное количество вопросов, представляя себя опорной сваей в благополучии «Фросткома». Мечтал войти в Совет директоров и, по собственным ощущениям, был уже близок к этому. Как выяснилось, гендиректор искусно поддерживал в Никите подобную иллюзию, заставляя его работать всё более рьяно. С одной стороны, такое манипулирование можно назвать подлостью, с другой – искусным менеджментом...

В какой-то миг истина открылась Никите, он понял, как долго с ним играли, словно с маленьким мальчиком, обещая подарить дорогую игрушку. Грянула грандиозная ссора – всплеск эмоций, столкновение характеров... Грохочущее чёрное небо, расколотое на части молниями...

Я точно не знаю, что дальше произошло между двумя Никитами, гендиректором и его заместителем, однако тот из парочки, с которым я занимаюсь сексом, вдруг очутился на улице. Его вышвырнули, как использованную рваную покрышку. Мой любимый считал себя колосом, удерживающим на плечах машину «Фросткома», а ему показали, что он всего лишь ничтожный винтик, без которого механизм прекрасно работает. Его самолюбие растоптали.

Непросто такое пережить.

Поэтому я с пониманием отношусь к состоянию Никиты. Уже несколько месяцев он изображает труп – неподвижно лежит на диване с потухшим взглядом. Это совершенно новая для меня картинка, никогда не видела ничего подобного... Реакции заторможены или вовсе отсутствуют: можно спокойно прошлёпать голышом из ванной к шкафу за свежим полотенцем – и ничего не произойдёт! Да, абсолютно ничего не произойдёт. Когда такое бывало? Раньше я бы вызвала у Никиты желание даже в скафандре для глубоководных исследований. Теперь же он на меня вовсе не реагирует.

Вот так его зацепило.

Бедняжка.

– Юля, ну как же? – возмутилась Ланочка. – Ты должна повлиять на Никиту!

– Вот ещё! – фыркнула я. – Лана Александровна, вашему сыну тридцать шесть лет. И вы думаете, кто-то может на него повлиять?

– Надо его расшевелить.

- Пусть лежит. У Никиты психологическая травма. Ему плохо.
- Если бы он сейчас занялся поисками работы, его бы это отвлекло. Юля, ты должна мягко и ненавязчиво направить его мысли в продуктивное русло.
- Я с вами не согласна, Лана Александровна. Поиски работы – дополнительное унижение. На тебя смотрят пристально, оценивают. И тебе отказывают. Ах, извините, вы нам не подходите...
- Да кто посмеет отказать Никите! – взвилась свекровь. – С его-то опытом и знаниями!
- Но ведь вышвырнули же на улицу вместе с опытом и знаниями!
- Это совсем другое. Там был конфликт. Непримиимые противоречия. А сейчас, я не сомневаюсь, стоит попытаться – и Никита сразу же найдёт фантастическую вакансию.
- Вы забыли про мировой финансовый кризис.
- А он тут при чем?
- Количество фантастических вакансий с каждым днём убывает. И не только фантастических, но даже и самых обыкновенных. Вся планета задыхается в тисках безработицы. Россия – не исключение.
- Что ты такое говоришь!
- Это не я. Это в новостях говорят. Каждый вечер накручивают. Но так оно и есть. Лана Александровна, оглянитесь вокруг: заводы закрываются, магазины прогорают, людей отправляют в отпуск без содержания, на бирже труда – столпотворение безработных...
- Юля, не уводи разговор в сторону. Попытайся побеседовать с Никитой. Мягко объясни ему.
- Что?
- Мужчине нельзя бездействовать и лениться. Он должен работать! Я не узнаю своего сына. Никита никогда не был лентяем.
- И он не лентяй. Но сейчас раздавлен, убит, уничтожен. Как в таком состоянии искать работу? От него веет тоской и безысходностью, и это отпугнёт любого работодателя.
- Юля, во всём виновата ты! – воскликнула свекровь.
- Я клацнула зубами о край кофейной чашки.
- Здрасьте, приплыли!*
- Я-то тут при чём?!*
- Лана Александровна!
- Да-да! Женщина должна вдохновлять мужчину на свершения. А ты одобряешь Никитину медвежью спячку.
- Дайте ему время прийти в себя!
- Юля, ты совсем меня не понимаешь!
- Ну, извините.
- Твоё «извините» звучит как «отстаньте»!
- Да, в пронизательности Ланочке не откажешь...*
- Я поискала глазами официанта и со свойственным мне изяществом помахала рукой, требуя счёт. Попутно снесла локтём со стола приборы. Свекровь хмуро наблюдала за моими телодвижениями.
- Ну, хорошо, – кивнула она. – Никита бездельничает. Тебя это устраивает. Пока. Потом сама будешь кусать локти – когда он привыкнет, войдёт во вкус.
- Думаю, вы преувеличиваете. Ни один нормальный человек не сможет привыкнуть к такому существованию – диван, футбол, компьютер, пиво с утра до вечера, семь дней в неделю. Даже говорить смешно!
- Свекровь скептически хмыкнула.
- Ведь это не жизнь, а страшный сон, – заверила я. – Не сомневаюсь, Никита скоро выйдет из спячки.

– Но когда?

– Лана Александровна, дайте ему время!

– Депрессия продолжается слишком долго. Не понимаю, почему ты так спокойна. Скоро сама пожалеешь, но будет поздно. И тогда ты вспомнишь, что я тебя предупреждала!

– Всё далеко не так трагично, как вы себе представляете, Лана Александровна.

– Хочется верить.

Официант принёс счёт. Меня удивила цифра – всего полгода назад подобный обед обошёлся бы в два раза дешевле. Вот она – издевательская ухмылка кризиса. В Европе и Америке, говорят, цены снижаются ежедневно. Производители пытаются хоть как-то поддержать катастрофически упавший спрос.

Ну и что!

Россия вовсе не обязана быть как все!

Мы – особенные! И гордимся этим!

Ах да, забыла – у нас же бензин подешевел. На целых тридцать копеек. Но только после того, как премьер мягко намекнул нефтяным олигархам, что еще пять минут подобного поведения – и кто-то получит по морде. Подумать только, мировые цены на нефть обрушились, за границей чуть ли не даром разливают бензин, а в стране – обладательнице грандиозных запасов нефти – топливо продолжало дорожать с каждым днём. И все из-за алчности российских монополистов...

Ланочка попыталась было дотянуться до папки с чеком, но так как счёт лежал в целых сорока сантиметрах от её руки, у неё ничего не получилось. К тому же она вспомнила, что надо поправить причёску, и полезла в сумку за зеркальцем...

– Что вы, что вы, Ланочка Александровна, не беспокойтесь, я заплачу!

Конечно, какая мелочь!

Меня порадовало, что свекровь отлично пообедала, хоть сначала и кривилась, осматривая кафе. Но стейк с салатом, сырные шарики во фритюре, бокал красного вина, а также капучино и торт пришлись ей по вкусу – не оставила на тарелках ни крошки. Я, как обычно, ограничилась кофе. Не было аппетита.

– Кстати, Юлия, мне завтра в три надо к стоматологу. Заедешь за мной в полтретьего. Хорошо?

На улице скрипел морозом и блестел снегом солнечный март. Мы расстались с Ланочкой, но я долго ещё продолжала мысленную перепалку со свекровью.

По её мнению, я должна как комар зудеть у Никиты над ухом, подталкивая его к действию. Но мой милый полностью деморализован! Ланочка, наверное, не помнит, насколько ужасающ процент инфарктов среди мужчин этого возраста. Нет, я не буду изводить любимого нытьём и упрёками. В его сердце торчит отравленная стрела. Надо переждать, пока он оправится от удара, нанесённого «Фросткомом».

Но вдруг Никита действительно быстрее пришёл бы в себя, если б не лежал на диване, а шевелился? Пожалуй, тут есть крупица здравого смысла. Лучше ли мужчине, если его жалеют? Я помогаю Никите лелеять его горе. Но правильно ли делаю? Возможно, в агрессивной среде Никита скорее бы мобилизовался. Сконцентрировался бы и совершил подвиг по имя своей Прекрасной Дамы. Прекрасная Дама – это, конечно, я. Но мой рыцарь продолжает тупо лежать на диване, ему не хочется совершать подвиг. Я не та женщина, которая вдохновляет. Значит, я какая-то бракованная. Недостойная грандиозных свершений.

Неужели Ланочка не ошиблась?!

Я вернулась в редакцию, пропитанная ядом хандры. День начинался неплохо, а что теперь? Свекровь испортила настроение. Плохо, что она, к сожалению, почти всегда оказывается права.

И всё равно, надо дать любимому возможность восстановиться. Ему сейчас ужасно плохо, и я должна его беречь.

Глава 2

Штрудель и слёзы

Я ликую – у меня есть автомобиль. Нет, не сверкающий монстр огромных размеров, купленный в кредит, а славная, почти новая «семёрка» с авторынка, приобретённая за наличные.

Моя первая машина.

Теперь я стала невероятно мобильной: всего час в вечерней пробке – и вот я уже дома. Автомобиль – это свобода и комфорт. И бездна положительных эмоций. Обнаружила утром, что ночью не слили бензин, – радость! Нашла вечером местечко для парковки – счастье! Сломалась печка, а потом сама вдруг починилась – буйный восторг!

Кстати, насчёт печки. Как выяснилось, я дёргала не тот рычажок, да ещё и не в ту сторону. Если честно, я так до сих пор и не поняла, как вообще там всё включается, – загадка для меня похлеще Бермудского треугольника.

С тех пор как я стала автоледи, у Никиты появилась дополнительная возможность демонстрировать мне свою любовь. Раньше он просто покупал розы или тюльпаны. Теперь ещё может свозить мою машину на мойку и диагностику или заправить её бензином, прогреть, смести снег... Такая трогательная забота о любимой женщине! Надеюсь, к следующей зиме Никитина депрессия закончится, и тогда он вновь начнёт оказывать мне подобные знаки внимания, в том числе и воплощать в жизнь перечисленные возможности. Но пока милый в анабиозе, всё приходится делать самой.

О розах и вовсе молчу.

Уже забыла, как они выглядят.

Сегодня, вернувшись с работы, я быстро соорудила ужин и с трудом выманила на кухню Никиту – он кромсал в клочья компьютерных врагов и никак не мог оторваться от экрана. Думаю, для него в этой игре у солдат противника одинаковые лица – все они имеют физиономию гендиректора «Фросткома».

– Женя звонила. Просила зайти, – сообщил Никита, вновь возвращаясь к компьютеру.

– Ты не против, если я сейчас к ней загляну? – спросила я, надеясь услышать возражение: нет, он никуда меня не отпустит, ему хочется со мной поговорить, поделиться новостями, обсудить перспективы нашего совместного существования...

– Да ради бога, – пожал плечами Никита и уткнулся в комп.

Я увидела, что он сменил оружие. Прямо из его запястья вырос отточенный металлический диск с зазубринами, и мой милый пошёл косить им головы и конечности врага. Кровь била фонтаном, хрустели шейные позвонки и берцовые кости, срезаемые, словно сочные побеги бамбука...

Я вздохнула и отправилась к соседке.

Евгения.

Моя жертва.

Из-за меня она лишилась мужа. Я чувствую себя такой виноватой...

В квартире Евгении витал божественный аромат. Дети выкатились в прихожую с радостным визгом. На кухонном столе ровными рядами лежали приготовленные к выпечке штрудели.

– Это вишнёвые, – с гордостью сообщила Женя. – Вот готовый. Попробуй.

– Где ты взяла вишню в марте? – удивилась я, пытаюсь вовлечь соседку в живой диалог и незаметно отвертеться от предложенного штруделя.

Не люблю!

– С лета припасла мешок в морозилке. Ну как?

– Феноменально вкусно, – заверила я. – Когда мы с Нонной откроем кофейню, будешь печь и для нас тоже.

– Правда? – обрадовалась Женя. – Ура, у меня прибавляется клиентов!

Эти штрудели бедняжка печёт на заказ. Пашет, как пчёлка, чтобы прокормить детей и оплатить коммунальные счета. А всего несколько месяцев назад все финансовые вопросы решал её муж. Женя думала о том, как истратить деньги, а не как заработать. Теперь второй вопрос превалирует.

– Знаешь, – нерешительно начала я, – а мне хороший гонорар обломился.

– Обломился – в смысле перепал или в смысле прокатили? – улыбнулась Женя.

– В смысле всё о'кей. Хотела с тобой поделиться. Ты ведь ещё не вышла на проектные мощности?

– Ой, Юля, я просто зашиваюсь, – призналась Женя и, дунув вверх, согнала со лба чёлку. Ей щёки покраснелись. Она вытащила из духовки противень с золотистыми штруделями и с грохотом вставила внутрь новый лист.

– Зачем так много? – удивилась я. – Неужели всё для кафе? Они же не смогут продать.

– Не только для них. Одна дама сделала заказ для банкета. Ночью буду ещё печь для неё трёхэтажный торт. Поспать сегодня точно не удастся.

Мы с Женей синхронно вздохнули.

– А от денег не откажусь, – бесхитростно сказала подруга. – В этом месяце даже садик не оплатила. Ну никак не получается заплатить сразу по всем счетам! Долги накапливаются.

У меня сжалось сердце, а на глаза навернулись слёзы. Женщина с двумя детьми. Без нормальной работы. Хватается за любую работу, что попадётся под руку, ни от чего не отказывается. Белка в колесе! Сколько лет мы живём в одном доме, она всё пыталась похудеть, но терпела фиаско. А теперь тает на глазах – потому что вкалывает, как галерный раб.

Но когда Женя попала в трудную ситуацию, я, конечно, не осталась в стороне. Сразу вошла в группу поддержки. Делюсь с соседкой гонораром и комиссионными за рекламу, приношу колбасу, сок и конфеты, забираю Свету из школы и Кирилла из садика. В общем, помогаю семье пережить трудный период. Моя мама говорит, я всегда найду, на кого потратить свои деньги и время... Женя вытерла о передник руки, запорошенные мукой, и осторожно взяла купюры.

– Юль, да ты сдурела, что ли?! – тут же воскликнула она, удивившись размеру материальной помощи. – А как я отдавать буду?

– Не волнуйся, отдашь когда-нибудь потом, – отмахнулась я. – Когда найдёшь хорошую работу.

– Когда? С моим-то пустым резюме!

О да, Женино резюме – это вопль ужаса, раздражающий грудь менеджера по персоналу. Чистая страница. Незаконченное высшее образование (три года педагогического института). Пока училась, успела поработать секретаршей, а затем вышла замуж, родила ребёнка и плотно засела дома – украинский борщ, памперсы, забрызганный детской отрыжкой халат, телятина в сливочном соусе, первый зуб, песочница, антибиотики, очередь за путёвкой в детсад, бесконечные командировки мужа, логопед, лишние килограммы, оливье и холодец на Новый год, ещё раз гестапо (роддом), ссезивание, банты-пионы дочки-первоклассницы, груды немытой посуды...

Но несмотря на отсутствие резюме, Женя буквально за два дня нашла работу, едва проблема денег нависла над ней каменной глыбой. Я и оглянуться не успела, а она уже устроилась в магазин через дорогу – выкладывать товар. Ещё через пару дней нашла вторую работу – в пельменной. И договорилась с маленьким кафе в супермаркете, что будет снабжать их изысканной выпечкой. Там сначала отказались, но Женя уговорила взять на пробу лимонный торт и ореховое печенье. В тот же день в кафе отправились мы с Никитой, затем заглянула моя

подруга Нонна, потом подтянулись Ева и Виктор – наши соседи с верхних этажей, получившие спецзадание.

Посетители все как один со словами «О, а у вас новый ассортимент! Ну, наконец-то!» заказывали лимонный торт и печенье. А потом – по второй порции... Мы сожрали всё до крошки. Меня мутило. А Нонна любительница углеводов, пропела администратору дифирамб, восхваляя «неизвестного» кондитера. Не удивительно, что в тот же вечер Жене позвонили из кафе и пригласили сотрудничать...

– И тебе это выгодно? – покосилась я на штрудели. – Ведь ты покупаешь продукты, а сейчас всё так дорого. Ещё и собственную вишню пожертвовала.

– Выгодно, – кивнула Женя. – Смотри. Возьмём, к примеру, лимонный торт. Я высчитала: продукты – мука, яйца, орехи, лимон, специи, шоколад, разрыхлитель и так далее – обходятся мне в сто тридцать рублей. Электричество не считаю, хотя можно грубо ещё пятёрку добавить. Свой труд – тоже. А в кафе за торт мне платят пятьсот рублей.

– Ага. Затем режут его на восемь кусков и каждый скармливают посетителям по сто пятьдесят рублей. Получается тысяча двести. Ух ты! Кафе в любом случае не в проигрыше.

– Я тоже. Жаль, что они не каждый день его заказывают. Я бы пекла безостановочно. И торты, и штрудели. Но нет, увы. Знаешь, хотела ещё устроиться полы мыть, но никак не успеваю, – вздохнула труженица.

Евгения мечтает поменять три суматошных работы на одну непыльную должность в офисе. Она даже помнит, как включать ксерокс, и лихорадочно осваивает Excel и другие офисные программы. Десять лет назад умения печатать вслепую ей хватило, чтобы устроиться секретарём, но теперь этого мало. Воспоминания о времени, проведённом в должности секретарши, приятно будоражат Женю. Она сидела в приёмной нарядная и значительная, дозировала доступ к телу шефа и была незаменима...

– Посмотрела сайт по трудоустройству. Есть вакансии офис-менеджера, секретаря, администратора... Зарплаты, конечно, не очень, – со вздохом сказала я.

Не зарплаты, а насмешка!

– О, – мечтательно произнесла Женя, – найти бы тёплое местечко тысяч на пятнадцать в месяц... Главное, чтобы не метаться. Приходишь утром, надеваешь туфли на высоком каблуке, садишься в компьютеру... И не надо бегать, постоянно смотреть на часы, боясь опоздать.

Если честно, пятнадцать тысяч сейчас – кошкины слёзы. Но и такой работы не найдёшь, слишком много желающих. За выкладку товара Жене платят четыре тысячи, в пельменной – шесть. Дети мужественно преодолевают весеннюю простуду – им нельзя болеть, потому что мама работает. Дочка дотемна сидит в продлёнке, а сынок стал парией в своей детсадовской группе: ведь теперь его всегда приводят к семи утра, невзирая на мороз или надсадный кашель, а забирают самым последним.

Думаю, в два часа ночи, переделав домашние дела, Женя плачет от усталости и обиды. Почему судьба обошлась с ней так несправедливо? В одно мгновение всё перевернулось с ног на голову. Её сердце раздавлено бульдозером, в груди зияет чёрная дыра – нетрудно и с ума сойти, если вспомнить, в каком положении она оказалась. Самое ужасное – удар ей нанёс любимый и близкий человек, с которым она собиралась жить ещё долгие-долгие годы.

О муже Евгения почти не говорит, ситуацию не обсуждает – слишком больно. И конечно, ей некогда жалеть себя – каждый месяц подругу заваливает бумажным ворохом квитанций, и все их надо оплатить. Поэтому, порывав ночью, днём Евгения впрягается в лямку и начинает свой бег по кругу.

Я и раньше подозревала, что подруга невероятно вынослива, наблюдая из окна, как она, к примеру, тащит по снегу санки с дочкой, толкая перед собой коляску с младшим, да ещё и прихватив пару сумок с провиантом. Теперь убедилась: кроме физической выносливости природа наградила её ещё и огнеупорной психикой. Никаких истерик и воплей, обида спрятана

настолько глубоко, что о психологической травме, нанесённой Евгении, постороннему даже догадаться нельзя. Люди годами не могут оправиться от подобного удара, мучительно собирают себя по кусочкам, как пазл, а Евгения выглядит довольно бодро. Она настоящий энерджайзер! Нет, моя подруга не оплакивает свою несчастную судьбу, а ставит близкие цели и идёт к ним.

Впрочем, есть простое объяснение тому, почему источник, из которого она черпает свои физические и нравственные силы, кажется бездонным, – у неё на руках два маленьких ребёнка. И ради них она будет работать по двадцать часов в сутки, щебетать и улыбаться, когда на душе тяжело. Даже если рядом на улице обрушится дом, Женя встанет, отряхнёт с себя кирпичную крошку и помчится на работу – добывать деньги...

Наверное, тогда я должна была промолчать?

А я не сумела.

И испортила человеку жизнь.

Пробежав «лошадкой» восемнадцать кругов по квартире (меня запряг Женин сын), я вернулась домой. Еле отбилась от штурделей – Евгения пыталась впарить мне пару штук для подкормки Никиты. Но я же помню: штурдели – её заработок. Поэтому не взяла. Тем более, что десерт вряд ли улучшит самочувствие Никиты. Сейчас его ничто не радует.

К моему возвращению милый всё так же шинковал противника. Его лицо было хмурым и сосредоточенным... Да, вишнёвый штурдель тут точно не поможет. Вот если б американцы случайно упустили в Атлантике ядерную ракету... И та бы угодила прямо в главный офис «Фросткома»...

Отличная перспектива!

Или, наверное, неплохо было бы, если б все поставщики вдруг объявили бойкот концерну, все заказчики аннулировали договора, а гендиректора «Фросткома» разбил паралич... Да, точно. Вот тогда бы мой милый воспрял духом.

Хм...

Неужели он так кровожаден?

Я внимательно осмотрела спину и затылок Никиты, поражаясь, каким незнакомцем вдруг может оказаться родной человек. Подумать только, ведь я прожила с ним четыре года, ни капли не сомневаясь в его добросердечии! А он пытается развязать локальную ядерную войну и хочет навлечь паралич на своего бывшего начальника!

Это ужасно.

Конечно, гендиректор «Фросткома» поступил отвратительно, выставив на улицу Никиту. Но пусть остаётся бодрым и здоровым – у него жена, дети...

Я подошла поближе и положила руку на плечо Никиты. Любимый продолжал отстреливать головы у солдат противника. Лихо, с блеском. Пока я бродила по гостям, его вооружение пополнилось и он закончил две «миссии».

Никита откликнулся на прикосновение, склонил голову набок, потеревшись щекой о мою руку.

Мой ласковый терминатор!

– Ю-ю-юль... – мечтательно протянул Никита, не отрываясь от экрана.

Я тут же домыслила окончание фразы. Оно было упоительным: «Малыш, а не завалиться ли нам прямо сейчас в кровать? Я так по тебе соскучился! Когда мы в последний раз занимались сексом, а?»

Да уж...

Это было очень давно.

Задолго до восстания Спартака!

– Юль, сгоняй за пивом, – попросил Никита. – Только побыстрее, через пятнадцать минут магазин закроется...

В три часа ночи, отредактировав статью, я закрыла ноутбук. Разговор с Ланочкой так и не выходил из головы. Моя свекровь умеет впрыснуть яд прямо в мозг. А завтра мы, увы, вновь с ней увидимся, и она – не сомневаюсь – опять начнёт сверлить мне череп. А может, прикрывшись редакционными делами, переложить неприятную обязанность на Никиту? Пусть поймает такси и свозит мамочку в клинику.

Нет, лучше я сама.

А то любимая свекровь тут же вообразит, что я ею пренебрегаю, пытаюсь от нее отделаться. Хуже того – начнёт внушать подобную мысль и Никите.

Никуда не денешься, придётся везти Ланочку к стоматологу. Она трепетно заботится о своих зубах. Их прочности позавидует акула. У неё сверкающая улыбка. Правда, я больше люблю, когда человек улыбается от души, а не потому, что хочет продемонстрировать профессионализм своего дантиста.

Когда я познакомилась с Никитиной мамой, ей было около шестидесяти. Сейчас, спустя четыре года, ей уже в районе сорока пяти. Боюсь, вскоре она превратится в школьницу. Ланочка постоянно что-то с собой делает, в её графике – бассейн, массажные салоны, грязевые ванны. Счета оплачивает Никита. Он очень заботливый сын. Последний омолаживающий тур Ланочка совершила прошлой осенью. Никита как раз продал свой чёрный «Лексус», собираясь купить новый автомобиль, ещё более чёрный и джипистый. Тут сразу же выяснилось, что часть «Лексуса» совершенно необходимо потратить на здоровье мамы, а также на подготовку к зиме – у Ланочки внезапно прохудились все пять шуб и срочно требовалась новая. Никита раскошелится на шубу из рыси, а также заплатил за курс процедур в испанской клинике. В Испании Лану Александровну мазали целебными составами, бинтовали, снова мазали... Превратив пациентку в кокон, лишь оставив дырочки для глаз-носа-рта, так и бросили на целых две недели. Ланочка мужественно терпела мучения и питалась через трубочку жидкой кашцей. За это время под бинтами её кожа полностью обновилась. Когда мученица вернулась из Испании, она произвела фурор. Собственно, ради этого триумфа всё и затевалось. Скоро её будут принимать за мою младшую сестру.

Я тоже отщипнула кусочек от «Лексуса» – Никита купил мне «жигулёнка». Слегка подержанный, на первое время, ведь тогда я совсем недавно получила права и мой стиль вождения отличался своеобразием и оригинальностью.

– Наберёшься опыта – купим машину покруче, – пообещал Никита.

В тот момент у него ещё были роскошная зарплата и грандиозные планы на будущее. Он связывал своё благополучие с процветанием «Фросткома». Но им с «Фросткомом» оказалось не по пути.

В результате сейчас мы бесславно проедаем остатки «Лексуса». Деньги разлетаются мгновенно. Никита привык много зарабатывать и много тратить, а от привычки жить на широкую ногу не так-то просто избавиться. Никита конечно же не купил новый джип. Сейчас нам не потянуть кредит за дорогой автомобиль. К тому же джип не очень-то сочетается с имиджем безработного, кем сейчас и является Никита. Если он практически не выходит из дома – зачем покупать машину?

Ланочке есть о чём волноваться. Её материальное положение внушает такие же серьёзные опасения, как и психологическое состояние сына. Причём эти два параметра прочно связаны между собой. Никита медитирует в четырёх стенах, не зарабатывает, не приносит в зубах мамонта. В результате урезано содержание Ланочки! Красотка живёт в режиме экономии. Она буквально сидит на голодном пайке – сократила до минимума визиты к массажистке, перестала приглашать в рестораны многочисленных подруг. В феврале даже сама сделала мелирование. Вернее, свекровь позвала на помощь... конечно же меня.

– Вот, будем меня красить, – сказала Ланочка, скорбно поджав губы и вручив мне коробку с химикатами.

– Ваш мастер всегда прекрасно вас красит! – впихнула я коробку обратно в руки Ланочки.

– Ах, Юля! Как ты не понимаешь! Я вынуждена экономить! – с надрывом произнесла свекровь и вернула мне коробку. – Краска стоит триста рублей. А в парикмахерской с меня сдерут полторы тысячи.

Она начала считать деньги?

Что-то невероятное!

Я едва удержалась от комментария: очень хотелось напомнить Ланочке, сколько стоит её новая шуба.

Свекровь со вздохом вскрыла упаковку, достала тюбики и баночки. Очевидно, весь спектакль разыгрывался специально. Чтобы потом я рассказала Никите о страданиях его мамули в тисках нищеты.

– Предупреждаю, я не парикмахер!

– Это не сложно.

– Предупреждаю, я никогда никого не красила!

– Юля, хватит болтать.

Хорошо.

Да здравствует разумная экономия!

Я три раза прочитала инструкцию, даже почти все поняла. Затем уверенно напаялила на свекровь полиэтиленовый чепчик и крепко завязала бант под подбородком.

– Эй, полегче! – возмутилась Ланочка.

В чепчике она смотрелась мило – этакий крупненький младенец.

– Извините. А вам идёт!

– Не издевайся. Теперь бери крючок и осторожно продёргивай сквозь дырочки пряди.

Ну что тут сказать... Через три часа мы произвели «несложную» операцию. Нет, не покрасили волосы. А всего лишь вытащили из дырочек лохмы, зарезервированные под мелирование. За это время я услышала в свой адрес миллиард замечаний: оказывается, я и криво-рукая, и бездушная, и жестокая. Ланочка вопила и каждый раз, когда я нечаянно царапала ее крючком или выдирала клочок волос, находила новый нелестный эпитет. Но ведь предупреждала же: я не парикмахер!!!

Ещё через час мы обе были близки к истерике. Потому что в процессе окрашивания у Ланочки вдруг отвалилась часть волосяного покрова. От ужаса у меня остановилось дыхание. Не очень-то вежливо с её стороны, могла бы отложить линьку до следующего раза – когда рядом не будет свидетелей!

А в целом опыт удался. Конечно, волосы Ланочки слегка поредели, но у неё ещё много осталось – можно экспериментировать и экспериментировать. Я ей так и сказала. Только она почему-то дулась на меня целых полмесяца. Что, впрочем, не мешало свекрови ежедневно использовать меня в качестве такси.

И вот завтра я повезу её к стоматологу. Заранее предвкушаю. «Почему ты свернула направо? Надо было ехать прямо! Помедленнее! Почему ты едешь так быстро? Ты видела знак? Разве не указатель поворота был? Тормози! Поднажми!»

А может быть, мне тоже погрузиться в депрессию?

Интересно, хоть кто-нибудь это заметит?

Глава 3

Золото в шоколаде

Моя любимая подруга Нонна вот-вот откроет две кофейни.

Когда-то Нонна была крутой бизнес-леди, но после тотального разорения превратилась в наёмную силу для более успешных предпринимателей. Естественно, такое положение ее бесит – она привыкла быть независимой, а теперь ею помыкают.

Богдан Гында – так зовут мучителя Нонны. Я твержу это странное имя, ощущая, как липнет к зубам кончик языка, прислушиваясь к странным звукам – бог-дан-гында-бог-дан-гын-да... Словно кто-то дёргает струны огромной домбры.

Нонна старше меня на десять лет и к сорока трём годам испытала многое – поднималась на вершину и падала в пропасть, управляла империей и стояла на пепелище, восторгала и вызывала отвращение, командовала и пресмыкалась, растила сына и отпускала его на волю, сорила деньгами и выскребала последние заначки, смотрела в глаза любимого мужчины и шла за гробом в чёрном палантине... Боль и горечь познания – в глубине её зрачков, но подруга улыбается и порой даже смеётся. Ей не нравится её сегодняшнее положение, она ненавидит Гынду, однако вынуждена на него работать. Но надо знать Нонну. Золотые колокола, столько раз звеневшие над её головой, когда-нибудь снова прозвонят – и она опять въедет в город на белом коне. Нонна из той породы людей, которые хватают звёзды прямо с неба и умеют удержать их в руках, какими бы раскалёнными те ни были. Но пока батрачит на местного мультимиллионера. Она у него на подхвате. Так распорядилась судьба, ничего не поделаешь.

Две кофейни – крошечная толика владений Богдана Гынды, которому принадлежит половина города, не меньше. Когда несколько месяцев назад Нонна сообщила, что теперь будет управлять кофейнями, я с энтузиазмом восприняла новость. А подруга, в отличие от меня, выглядела грустной. Две ничтожные забегаловки, причём – чужие, как мелко! Когда-то Нонна владела двадцатью магазинами «Колибри», потом её фирма «Вернхаус» с размахом торговала дорогим постельным бельём. В её загородном доме можно было устраивать балы, она не считала денег, но и вкалывала по тридцать часов в сутки...

Всё это в прошлом.

Но две кофейни – это же классно. Я займусь рекламой. Когда у Нонны был «Вернхаус», я классно пиарила её фирму через журнал «Удачные покупки». И кроме журнальной зарплаты время от времени получала от подруги бонусы за рекламную поддержку.

Отлично зарабатывала!

– Прежде чем открывать объект, мы должны провести маркетинговые исследования, – глубокомысленно заявила я.

Мы с Нонной сидели в логове конкурентов – за столиком кофейни «Бисквит». К сожалению, тут было очень даже неплохо. Тихая музыка, приятная атмосфера. Не подсчитать, какое количество чашек с кофе я выпила в этом заведении и сколько пирогов смолотила здесь сама Нонна.

На дворе весна, а за окнами снегопад. После утомительно тёплой зимы мы наконец-то дождались снега. Весьма своевременно, ничего не скажешь! Но зато как приятно наблюдать за падающими белыми хлопьями сквозь сверкающие стёкла кофейни... Когда за окном снегопад и прохожие торопливо пробегают мимо, втягивая головы в плечи и зябко кутаясь в одежду, внутри помещения становится особенно уютно. Я оглянулась, цепко выхватывая взглядом каждую деталь – надо брать на вооружение находки конкурентов. Наши кофейни будут ещё лучше!

– Прежде давай выясним – какова наша целевая аудитория? На кого мы ориентируемся?

– Это элементарно, – ответила Нонна. – Будем ориентироваться на тебя. Ты – наш главный клиент.

Я замерла, польщённая оказанным доверием.

– То есть девушка, молодая женщина, – продолжила Нонна. – Активная, с деньгами. Стремительная и занятая, но способная выкроить минуту, вернее часок, для посиделок с подругой. Будем лепить кофейню под тебя.

Отличная идея!

– Однако аппетит возьмём мой. – Нонна кивнула официантке, поставившей перед ней тарелку со вторым куском торта. – Если посетители будут так же равнодушны к еде, как ты, мы разоримся.

– Вовсе нет! Насколько я знаю, основная выручка идёт с чая и кофе. Какие-то совершенно фантастические проценты с каждой чашки.

– Откуда ты знаешь? – улыбнулась Нонна.

– Да где-то читала.

– А-а, ну ясно.

– Хорошо, вопрос с целевой аудиторией мы выяснили. Но всё равно, надеюсь, твой Богдан выделил достаточно денег для предварительных исследований? Необходимо всё просчитать! Нам нужна твёрдая научная основа. Это поможет разработать концепцию заведения. Концепция, Нонна, – вот что важно! Наши кофейни должны быть уникальными и неповторимыми.

Нонна смотрела на меня, подперев рукой подбородок и задумчиво колупая бисквитный торт. Она позволила мне разглагольствовать ещё десять минут, пока её тарелка не опустела. Я задыхалась от энтузиазма и вдохновения. Без лишней скромности могу сказать, что если дело касается открытия кофейни, то тут я настоящий профи. Как, впрочем, и во многих других вопросах – например, в выращивании спаржи, разведении перепёлок и купировании бронхальных приступов. Я просто переполнена всяческими полезными сведениями... Осталось только выяснить, как всё-таки включается печка в моей машине. Но, видимо, это слишком сложная область знаний.

– Нонночка, поверь мне, чёткое позиционирование – основа основ! Как мы себя подадим? Огромное значение имеет название, оно важная часть концепции заведения. Как мы назовём наши кофейни...

– Юля! – перебила подруга.

– А? Подожди, позволь я подведу итог моих размышлений. Итак, каковы слагаемые успеха?

– Юль!

– Во-первых, хорошее место. Во-вторых, удачная концепция. В-третьих, реклама, реклама и ещё раз реклама. Ты конспектируешь, нет? Зря, зря! Ты же знаешь, я самый настоящий специалист по кофейням, так как являюсь их завсегдатаем. В-четвёртых, классное меню. В-шестых, отменная кофейная карта. В-седьмых, приличный сервис. В-восьмых...

– Юля!

– Ну что?

– Уймись, – меланхолично попросила Нонна.

– Да? Ладно, хорошо, – остановила я поток рассуждений и придвинула к себе кофе. – Ты, конечно, и без меня всё прекрасно знаешь.

– У нас отличное проходное место. И это самое главное.

– А где?

– Помнишь магазины одежды на Лермонтова и обувной на проспекте Metallургов?

– Конечно не помню. Их там столько!

– Оба помещения загадочным образом перешли в собственность Богдана. И он отдаёт их под кофейни.

– Почему моей собственностью ничего не становится? Ни тебе заводика, ни магазинчика, ни ресторана!

– У тебя есть квартира и автомобиль.

– Вот спасибо. Однокомнатная квартира и бэушные «Жигули».

– Радуйся тому, что имеешь. А лишняя собственность – дополнительные проблемы. Уж поверь мне.

– Не хочешь ли ты, Нонна, сказать, что быть бесребреницей гораздо приятнее, чем миллионершей? Вспомни свою виллу с панорамными окнами, бассейн, «Лендкрузер». Неужели сейчас тебе лучше?

– Ты не поверишь, Юля, но сейчас я чувствую себя гораздо более свободным человеком.

– Угу, угу, в рабстве у Гынды.

– Ну что тут поделаешь...

– Хорошо. Но вернёмся к нашему проекту. Итак, нам достались два отличных места на оживлённых улицах... Так-так-так, я вспомнила те магазины. Отлично! Проходное место – половина успеха. К тому же на Лермонтова здание выходит не прямо на улицу, а отделено от проезжей части просторным тротуаром. Там деревья, скамейки.

– Это важно? – осведомилась Нонна.

– Тут два плюса. Во-первых, посетителям – сужу по себе – гораздо приятнее наблюдать через окна за прохожими, а не упираться взглядом в заставленную парковку или в мелькающие автомобили. Во-вторых, у прохожих, в свою очередь, возникает соблазн заглянуть в кофейню, когда они видят за огромными окнами посетителей, сидящих за столиками.

– Ясно.

– Но надо ещё придумать убойные названия!

– Уже.

– Что? Ты уже их придумала? – удивилась я.

– Нет. Господин Гында расстарался.

Я изумленно заморгала, потом скривила физиономию. Богдан ещё и названия придумал? Надо же! Наверняка какой-то ужас. Чего можно ждать от мультимиллионера? К тому же с такой неблагозвучной фамилией.

– Постой, я угадаю. Одну кофейню он назвал «Гында-1», вторую – «Гында-2». Гениально! Будет обворожительно смотреться на вывесках и сделает нам кассу. Плюс фирменный торт «Гында трюфельный» и фирменный кофе «Гында-мокко». Я угадала?

– Понеслась, родимая! – засмеялась Нонна.

– Но я угадала?

– Мимо! Маленькая кофейня – пятьдесят квадратов на проспекте Metallургов – будет называться «Шоколад».

– Шоколад... – эхом повторила я.

– Большая, двести квадратных метров, на Лермонтова, – «Золото».

– Золото? – пробормотала я. – Шоколад... золото... шоколад...

– И как?

– Ну-у-у... несмотря на заурядность... Очень даже неплохо!

– Да, совсем неплохо.

А мой взгляд тут же затуманился... Я увидела перед собой яркую вывеску и огромные сверкающие витрины. Не надо обладать особой интуицией, чтобы понять, какую картину нарисовало моё воображение. В одном заведении всё сияло и переливалось золотом – ободки на чашках, скатерти, стулья, люстры. Под потолком парили золотые стрекозы, на стенах сияли золотые лилии...

Другой объект захлёбывался в потоках шоколада – шоколадные букеты, фонтаны, скульптуры украшали интерьер. Посетители замертво падали на пороге, одурманенные ароматом

горячего шоколада. Официантки выглядели изумительно съедобными, за ними тянулся шлейф ароматов ванили и шоколадной стружки...

– Радость, очнись! – Нонна делала пассы руками перед моим носом, пытаясь остановить поток мысли.

Я вздрогнула и вернулась к действительности.

– Отличные названия, мне оба нравятся, – сообщила я. – Только пусть господин Гында на том и остановится. Придумал названия – и хватит. Не надо лезть в наши дела.

– Юля, ты даже не представляешь, как я с тобой согласна, – тоскливо улыбнулась Нонна...

Весь февраль и март внутри помещений шли строительные работы. Нонна руководила, я часто навевалась, чтобы полюбоваться изменениями. Вдыхала запах влажной штукатурки, чихала, вставляла свои три копейки по каждому поводу. Рабочие в пыльных спецовках трудились без усталости, словно муравьи. «Шоколад» был совсем маленьким, на двадцать посадочных мест, а «Золото» – на восемьдесят, и там планировалось сделать собственную кухню.

Нонна занималась согласованием проекта с санэпидстанцией и пожарниками, ездила в налоговую и энергонадзор, заключала договора.

– Ух ты! – воскликнула она однажды. – Юля, ты не представляешь, насколько облегчает все задачи тот факт, что владелец заведений – член Законодательного собрания области!

Да, Богдан Гында был парнем хоть куда – как плесень, проник во все сферы жизни нашего мегаполиса. Он не только владел заводами, фабриками и магазинами, но и заправлял во властных структурах.

– Сколько я натерпелась от этих служб, когда работала сама на себя! – сказала Нонна. – Каждый чиновник, наделённый хотя бы минимальными полномочиями, пытался вытереть об меня ноги и требовал позолотить ручку. Отказ дать взятку означал начало вендетты. А сейчас я еду по дороге, где горит только зелёный свет. У Богдана всё везде схвачено. Он всех знает, его все знают. Король и бог, высшая инстанция!

– Хочется верить, что человек, наделённый такой властью, отличается выдающимися нравственными качествами, – вздохнула я.

Мы с Нонной переглянулись.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так, – фыркнула подруга. – Богдан – натуральная скотина. А вот и он! Чувствует, что мы говорим о нём. – Нонна достала из сумки зазвонивший мобильник.

Следующие десять минут она живописно препиралась по телефону со своим хозяином. Ни капли подострастия и уважительности нельзя было различить в её тоне. Они с Богданом оба орали – каждый в свою трубку – и посылали друг друга на Марс и в более отдалённые районы галактики, что было их фирменным стилем общения.

М-да...

Я бы так не смогла.

– Достал! – рявкнула Нонна, швырнув мобильник в сумку. – Цепляется к каждой мелочи.

– Он тебя ненавидит? Или просто не умеет делегировать полномочия?

– Он пьёт мою кровь и наслаждается процессом. А я не могу убежать от него.

– Сочувствую, – вздохнула я.

Спустя неделю Нонна занялась покупкой оборудования. Кофемолки, блендеры, разделочные столы, пекарский шкаф, холодильники... У меня волосы встали дыбом, когда она не моргнув глазом выложила двадцать тысяч долларов за две кофемашины.

– Ты шутишь? У меня дома автомат, который варит совершенно потрясающий кофе. Ты же сама хвалила! А стоит он от силы долларов двести!

– Это профессиональное оборудование, детка, – пояснила Нонна и уткнулась в каталог с кондитерскими витринами. – Ну, как тебе вот такая?

Я взглянула на фотографию и представила витрину, заполненную до отказа тортами, пирожными, марципановыми фигурками, фруктовыми корзинками и бокалами с тирамису.

– Думаю, подойдёт.

Мы купили целый вагон ложек, вилок для торта, чашек с блюдцами, чайников, салфетниц, тарелок... Я ответственно подошла к заданию: приглядывалась к посуде, придирчиво рассматривала на свет, пробовала лизать. Потребовала налить нам чаю в каждый образец. Шутка ли – купить одним махом такое чудовищное количество посуды! Одних только кофейных и чайных пар нам требовалась двести пятьдесят штук!

– Вот немецкие. А вот из Швеции, – сообщила Нонна. – Эти подешевле. Те подороже.

– Эти – слишком массивны. А те – чересчур хрупкие. У этих – какая-то некрасивая форма. Те – недостаточно белоснежны.

– Цвет слоновой кости, – обиженно вставил продавец инвентаря.

– Угу. Возможно. Однако чашки выглядят так, словно пожелтели от времени.

Продавец насупился. Нонна тихо прикалывалась. Похоже, она совсем не жалела, что взяла подругу в помощницы, – я умею внести изюминку в любой процесс!

– Эти – ужасно тяжёлые. А те... м-м-м... выглядят недурно... Да, совсем недурно... Ах, нет, не подходят! У них невозможно просунуть в дырочку указательный палец.

– Вообще-то считается дурным тоном просовывать палец в ручку чашки, – холодно заметил поставщик посуды.

Он был на грани отчаяния и, подозреваю, уже меня ненавидел. А я всего лишь хотела выбрать самое лучшее для наших кофеев.

– Серьёзно? – удивилась Нонна словам оптовика. – А я всегда палец сую. Так гораздо удобнее держать.

Я бросила на продавца торжествующий взгляд и отодвинула в сторону «неудобные» чашки.

Через четыре часа мучений мы всё-таки затарились посудой, купив самые изящные чашки, самые стильные тарелки, самые круглые блюдца.

– О, Юля... – простонала Нонна, посмотрев на часы.

– Что, дорогая?

– Ничего. Завтра вместе с дизайнером поедem смотреть мебель и текстиль.

Я остановилась на заснеженной улице, наткнувшись взглядом на рекламный щит. Пушистый белый ковер под ногами начал моментально подтаивать и превращаться в кашу, а с вечернего неба тут же слетали мириады новых снежинок.

Рекламный щит был не из тех огромных билбордов, что нависают над автострадой, отвлекая внимание водителей (лично я постоянно засматриваюсь на обнажённых красоток или интересные надписи, подвергая себя опасности въехать в бампер соседней машины), а компактной стеклянной стойкой перед бизнес-центром. Я обратила на него внимание только потому, что рекламу разместило агентство недвижимости «СуперСити». Отлично знаю владельца фирмы Ярослава Кунгурова, часто бывала в его офисе, здесь, в бизнес-центре. Общались, дружили, но потом как-то вдруг потерялись.

– Ну и что у вас новенького, милейший Ярослав Алексеевич? – пробормотала я, всматриваясь в красочную рекламную картинку, подсвеченную вечерними огнями. – Ух ты, домик... И довольно шикарный...

Фирма моего забытого друга предлагала купить квартиры в фешенебельном жилом комплексе «Синяя башня» – тихий район, пять минут от центра, подземная парковка, парк и т. д. Удивляюсь, каким образом в загазованном промышленном мегаполисе застройщикам вновь и

вновь удаётся находить «экологически чистые» местечки с «волнующими видами» и «свежим воздухом»? И как они умудряются выбивать там землю под строительство?

Я замерла перед рекламным щитом, изучая планы квартир и фантазируя. Сладкие грёзы! О, как хорошо мы с Никитой разместились бы в просторных трёхкомнатных апартаментах... Нашлось бы место и для будущего потомства. То, как мы сейчас ютимся с Никитой в моей однокомнатной, – не дело! Я постоянно прыгаю с места на место с ноутбуком, словно курица с яйцом. Мы обросли барахлом, и оно постепенно вытесняет нас из квартиры. Кладовка забита, по углам комнат громоздятся нужные и полезные предметы типа коробок из-под оргтехники и кухонного оборудования, которые нельзя выкидывать в течение всего гарантийного срока (какое жуткое требование!).

Когда-то у Никиты была почти такая же роскошная квартира, какую я рассматриваю сейчас на плакате. Почти в таком же классном доме. И мы увлечённо делали в ней ремонт. Но ремонт – это чёрная дыра, с невероятной силой засасывающая ваши деньги и время. Мы потратили два года и не менее пятнадцати миллиардов евро, но всё никак не могли закончить начатое. Постоянно приходилось делать паузы из-за нехватки средств – то Ланочке требовалась очередная страшно дорогая шуба, то нам самим хотелось поваляться на белом песке под пальмами, а путёвка стоила как нефтеналивной танкер.

В общем, пока мы возились с плинтусами и натяжными потолками, кто-то очень влиятельный сумел отхапнуть кусок земли от территории, окружавшей дом. Прямо под окнами новой квартиры возвели ночной клуб, а его парковка поглотила часть детской площадки. И наша квартира, жизнь в которой мы предвкушали с удовольствием, вдруг перестала нам нравиться! Из окон теперь виднелась крыша клуба, его яркая вывеска мелькала яростным неоном все ночи напролёт, а в пять утра окрестности оглашали ржание и вопли пьяных посетителей. Об этом свинстве нам с гневом поведали будущие соседи. И мы, так и не переехав, стеная и обливаясь слезами, продали наше недоремонтированное гнёздышко.

Деньги Никита вложил в инвестиционный фонд «Фаворит». Фонд обещал отличные проценты, но в то же время не давал абсолютно никаких гарантий. Тут уж как карта ляжет. И вдруг накатило – кризис, всемирное бедствие! Прибыль инвестфонда ушла в глубокий минус, и мы тоже свалились в ту пропасть... Менеджерам «Фаворита» стало исключительно просто объяснять клиентам своё кошмарное поражение: «Ну а что вы хотели? Кризис! Не только у нас обвал, это всеобщая тенденция».

Таким образом, через несколько месяцев сбережения Никиты сократились на треть. Я подсчитала на калькуляторе, сколько всего полезного смогла бы купить на деньги, списанные по статье «непредвиденные убытки». Но милый почему-то не потерял веры в способность инвестиционного фонда справиться с ситуацией и отбить потерянные деньги. А я просила не мечтать о журавле в небе, переложить капитал в какой-нибудь крупный банк и иметь твёрдые двенадцать процентов годовых. Нам бы оченьгодились эти проценты! Но мне не удалось переубедить мужчину.

«Фаворит» барахтался в мутной пене кризиса, деньги таяли, а с ними – моя надежда когда-нибудь переехать в большую квартиру. И вот сейчас я увидела рекламу агентства недвижимости, и моё сердце сладко сжалось от странного, но приятного предчувствия.

– Нравится? – услышала я над своим плечом.

– А?

Я обернулась. Рядом стоял парень, снежинки падали на его тёмные волосы, брови и пушистые ресницы. Симпатичный незнакомец. Я ему улыбнулась, и он улыбнулся мне в ответ.

– О-о... – мечтательно протянула я. – Очень нравится. Вот тут бы сделала себе кабинет. – Я постучала пальцем по стеклу в том месте, где была нарисована схема трёхкомнатной квартиры. – Мечтаю иметь собственный уголок. Большой стол с ящиками, куда бы я впихнула все мои бумаги, удобное кожаное кресло... Так надоело бегать по квартире с ноутбуком!

– А я работаю в этом агентстве, – сообщил парень и кивнул на рекламный щит. – Покупайте, не пожалеете. Цены сейчас упали, сделка будет выгодной. По моей журналистской привычке я тут же вступила в диалог, хотя покупка квартиры являлась всего лишь мечтой – волшебной, но недостижимой.

– А этот жилой комплекс уже сдан?

– Будет сдан приблизительно через четыре-пять месяцев. Сейчас там идут отделочные работы. Если хотите, можем как-нибудь проехать, посмотреть квартиры. Там чудесно.

Надо же...

Симпатичный незнакомец продолжал улыбаться, посматривая на меня сверху вниз с высоты своего роста. Ему нельзя было отказать в обаянии. Он предлагал товар, но без назойливости. Даже можно было предположить, что квартира в «Синей башне» – лишь предлог для общения с хорошенькой девицей.

С хорошенькой девицей?

Ну и самомнение у меня!

В тридцать три года я наивно претендую на звание девицы, способной на ходу очаровывать парней, хотя эпитет «старая швабра» был бы гораздо ближе к истине. Нет, нет, юноша просто хочет впарить мне квартиру, заблуждаясь насчёт моего материального состояния. Разве я могу купить квартиру? Да никоим образом!

Хотя...

Вот если уговорить Никиту... Хм, а что? Почему бы и нет? Хватит кормить бездарный фонд, в отчаянии наблюдая, как тают наши деньги! Надо вложить их не в акции, а в нечто весомое и осязаемое – в квадратные метры жилплощади. Думаю, у нас достаточно средств на покупку апартаментов в шикарном комплексе...

Значит, у незнакомого риелтора удивительное чутьё – он не ошибся, заподозрив во мне платежеспособного клиента. Или ему просто захотелось познакомиться с хорошенькой девицей?

Тьфу ты! Опять я о своём...

– На всякий случай вот вам моя визитка, – сказал парень.

– Борис Захарченко, агентство недвижимости «СуперСити», – прочитала я, взяв в руки сверкающую серебряными буквами карточку.

– А вас как зовут, если не секрет?

– Юля.

– Приятно было познакомиться, Юля.

– Взаимно. А кстати, Борис, я ведь знакома с вашим шефом.

Надо как-то позвонить владельцу «СуперСити» и встретиться с ним... Нам было интересно вместе. И потом, вдруг Ярослав Кунгуров захочет снова разместить парочку статей и рекламных модулей в «Удачных покупках»?

Было бы совсем не плохо!

– Юля, подвезти вас? Я на машине.

– Я тоже на машине. Хотите подвезу? – засмеялась я.

Борис протянул руку и осторожно пожал мою. У него была горячая ладонь. Мы разошлись в разные стороны, каждый к своему автомобилю. Снег валил не переставая, хлопья падали отвесно, не отклоняясь ни на градус от вертикали, так как ветра не было и в помине. Я задержалась возле своего «жигуленка», прежде чем сесть за руль, с удовольствием вдыхая влажный, почти тёплый воздух, ясно ощутив собственное присутствие именно в это мгновение вечности именно в этой точке планеты.

Словно кто-то, различив меня сверху, из безбрежного космического пространства, мягко дотронулся до моего сердца, оставив на нём велюровый отпечаток. И получилась картинка, волшебный миг жизни: это я, здесь, сейчас, посреди огромного вечернего города, засыпанного

снегом, с ярко сверкающими фонарями, с рекламой и подмаргивающими фарами автомобилями... Я улыбалась своим мыслям – ощущения и эмоции перемешались: перед глазами всё ещё стояло лицо Бориса, его длинные ресницы и снежинки на них. Я грезилась о новой квартире и уже чувствовала, как пройду босиком по гладкому паркету в холле. В мокром воздухе среди снежных хлопьев витало дыхание настоящей весны – с птичьим гомоном и потоками воды на асфальте, – которая вот-вот наступит, подарив, как обычно, мечты о переменах, надежду и радость...

Глава 4

Женщины сильнее

Я хорошо могу понять, какие чувства испытывает Нонна: она вынуждена работать на человека, неприятного ей. Я и сама некоторое время назад находилась в конфронтации с собственной начальницей. Мы, едва увидев друг друга, начинали выделять желчь и устраивали побоища на редакционных планёрках. Мне было легче проглотить живого скорпиона, чем принять и понять главного редактора «Удачных покупок» Елену Аметистову. Она не могла и слова произнести в мой адрес, не одоблив его солидной порцией кураре. Это была неприязнь с первого взгляда. Но прошло несколько месяцев, и посмотрите, как всё изменилось!

...Я уже почти добралась до своего рабочего места, когда угодила прямоком в объятия главного редактора.

– Здравсте, девушка! – сказала Елена, улыбаясь. – Сейчас обрадую. Будем делать специальный номер.

– Привет, Ленусик. Просто обожаю специальные номера! Спасибо, что предупредила. Думаю, мне лучше заранее сделать хакари.

– Только попробуй! – показала кулак Елена.

Она молода и красива. Её внешность исключительна и не требует улучшений, но Лена постоянно что-то выдумывает – надевает цветные линзы, красит волосы то в рыжий, то в белый цвет... Я думаю, эти эксперименты – свидетельство затаённой неудовлетворённости. Чего не хватает Елене? Она – главный редактор журнала, подаренного ей мужем-миллионером, и довольно лихо ведёт дела. Её зелёные рысьи глаза завораживают и мужчин, и женщин. У неё суперфигура, а к фигуре – пятнадцать гардеробных, набитых дорогой одеждой. И всё же, и всё же...

Я знаю, чего не хватает Елене.

Того же, чего и мне!

– А какая тема? – поинтересовалась я.

Спецвыпуск журнала – всегда мучение. Надо написать с десятков однотипных статей. Помню, когда «Удачные покупки» задались целью прорекламировать все фирмы города, занимающиеся пластиковыми окнами, я едва не отбросила концы, настрочив миллиард гигабайтов о ПВХ-профилях.

– Всё, связанное с автомобилями! Автосалоны, автомагазины, транспортные фирмы, автобазы и так далее.

– Да, это актуально. Думаю, автосалонам сейчас нелегко. У них вообще сейчас кто-то покупает автомобили?

– Мне сообщили интересный факт. Продажи машин суперкласса остаются на прежнем уровне. Всё, что дороже миллиона, разлетается мгновенно, как было и раньше. А вот с недорогими автомобилями ситуация катастрофическая. Продажи упали в несколько раз.

Недорогие – это, как я поняла, чуть дешевле миллиона?

Спецномер так спецномер. Про автомобили писать гораздо приятнее, чем про пластиковые окна. Ведь теперь я являюсь заядлой автолюбительницей. Я просто обожаю машины!

– Да, и насчёт сайта, – сказала начальница. – Вот я думаю... Нет, Юлечка, лучше пойдём ко мне в кабинет.

У нашего журнала недавно появился сайт, и теперь мы, как малые дети, от души забавляемся им. Каждый сотрудник «Удачных покупок» считает своим долгом внести лепту в улучшение продукта и выдвигает новые предложения – мы хотим сделать сайт самым красивым, удобным и посещаемым. Короче, создаём головную боль сисадмину, глумимся над ним...

В кабинете Елена зашла на сайт журнала, мы припали к монитору и минут десять обсуждали, куда воткнуть баннер с викториной, чтобы он не перекрывал ленту новостей и свежие статьи.

– Юль, всё хочу спросить про твою соседку Женю... – вспомнила вдруг Лена. – Как у неё дела?

– Прекрасно, – заверила я. – У неё всё хорошо. Правда, она на грани физического и нервного истощения, но кого это волнует? Работает в двух местах за копейки, печёт торты на продажу. Плюс заботы, связанные с выращиванием двух маленьких детей.

– Кошмар. И ей никто не помогает?

Я! Я ей помогаю!

– Никто. Штат бабушек-дедушек у них не укомплектован. Её мама живёт в деревне, свекровь – молодая и активная, работает и внуками не занимается. Так что свой воз Женя тащит сама.

– А папаша?

– Папаша в глубоком подполье. Особо не показывается и денег почти не даёт. Так, какие-то копейки. Собственные дети, видимо, его совсем не интересуют.

– Увы, так часто бывает. Твоя соседка – сильная женщина. Не представляю, как она справляется.

– Кстати, нам не нужен офис-менеджер?

– Здравствуй... – удивилась Лена. – А нашего куда денем?

– Жаль. Надо бы куда-то Евгению пристроить. Она освоила все офисные программы и стала потрясающе компетентна. Однако вот уже седьмое собеседование прошла и её никуда не берут.

– А что ты хочешь? Кризис!

– Да, кризис. И конкурировать приходится с двадцатилетними выпускницами вузов. Женя говорит, их просто толпы – свободных, молодых, длинноногих, незакомплексованных, с дипломами специалистов по международным отношениям, таможенному регулированию, госуправлению и чему-то там ещё. Они излучают энергию и оптимизм, свободно говорят на китайском и суахили. А тут рыхлая, усталая женщина без диплома, но с двумя детьми.

– Да-а... – протянула Елена. – Твоей соседке будет нелегко найти работу получше. Как, впрочем, и юным красоткам. Им ведь тоже везде отказывают, я думаю. Кризис, Юля, кризис!

– Надо признаться, уже надоело про него слышать. Надеюсь, до нашего журнала это чудовище ещё не дотянулось своими скользкими щупальцами? Подумаешь, фондовые биржи лихорадит! Подумаешь, в Америке, как мыльные пузыри, лопаются банки! Но мы-то тут при чём? У нас ведь ничего не лопается. В российские банки правительство закачало такие миллиарды, что их владельцам теперь придётся купаться в роскоши по крайней мере лет триста, даже если они того и не захотят.

– Да, наверное, именно на это и будут истрачены все государственные деньги. А вовсе не на то, чтобы снизить проценты по банковским кредитам. Если бы мировой финансовый кризис не грянул, его надо было бы придумать – чтобы удачно «распилить» Стабфонд России.

– Но какое положение конкретно у нас? Всё нормально? – с надеждой поинтересовалась я.

– Юля, открой глаза! Ты витаешь в облаках! – воскликнула Елена. – Типография взвинтила цены, бумага практически на вес золота. Объем рекламы за январь ужался на десять процентов. За февраль – на двадцать. Про март я вообще молчу, тихо лью слёзы. Представь, если совсем рекламы не будет? Придётся закрываться.

– Не произноси таких страшных слов! Закрываться, скажешь тоже... – испугалась я. – «Удачные покупки» – это моя жизнь, я сто лет здесь работаю.

– Ну, я тоже душу в журнал вкладываю, хоть и не так давно им руковожу.

Выходя из кабинета Елены, я едва не наступила на Лилию, которая ведёт раздел архитектуры и дизайна. Хотя, мне кажется, она вовсе не интересуется архитектурой и дизайном. Её хобби – злословие и сплетни. Лилия – единственная поганка в нашем дружном коллективе, грубая опечатка в безупречном тексте. Она очень стройная, даже более худая, чем я, потому что внутри неё постоянно пылает огонь зависти, выжигая её органы. Мне часто достаётся от Лили – я имею наглость получать хорошие гонорары, всегда ухитряюсь заключать выгодные договора на рекламу. Но самый мой страшный грех – Никита. По мнению Лили, было бы гораздо лучше, если бы меня никто не любил и я влачила жалкое монашеское существование. Сама Лилия почему-то одинока.

Интересно – почему?

Ей тридцать шесть, и её одиночество в принципе ещё не приговор. Однако вряд ли найдётся мужчина, способный преодолеть ров, наполненный густой, клокочущей отравой – Лилиной ненавистью к людям...

– И как только тебе удастся? – скривила губы наша редакционная гадюка. – Вы же с Еленой на дух друг друга не выносили, а теперь – первые подруги! Чуть ли не целуетесь. Как ты втёрлась к ней в доверие?

– Уметь надо, – улыбнулась я. – У тебя новый костюм? Красиво!

Лилия настороженно проглотила комплимент и продолжила допытываться:

– Нет, ну как? Я же помню, вы с Еленой на каждой планёрке грызлись, как пираньи. А теперь обнимаетесь. Ты с ней комиссионными за рекламу, что ли, делишься, а?

– Дура ты, Лилия! – взвилась я. Чем несправедливее обвинение, тем сильнее оно задевает. – Зачем мне делиться с Еленой, если мы и так все ей принадлежим? Ведь это её журнал! Господин Аместистов ей такой подарок сделал, забыла?

– Что ты орёшь? – удивилась Лилия. – Я просто предположила, а ты на дыбы встала. Ну, понятно. Ты пошевелила мозгами и сменила тактику. Поняла, что глупо лаять на хозяина, да? И влезла в доверие к Елене. Но как у тебя получилось? Чем ты её очаровала?

– Сама не понимаю. Наверное, человек я хороший. И люди ко мне тянутся, – скромно потупила я взор.

– Нет, тут какая-то загадка. Смотрю я на вас с Еленой и голову ломаю. Ну, а у Никиты как дела? Он по-прежнему без работы?

Я отшатнулась.

– Откуда ты знаешь?

– Ты сама кому-то жаловалась здесь, в редакции.

– Но ведь не тебе!

– Я не виновата, что слухи у нас распространяются с космической скоростью, – пожалала плечами Лилия. – Не повезло Никите. Мужчины воспринимают увольнение как ужасный удар по самолюбию. Женщины в этом плане гибче, сильнее. Наверное, он в депрессии?

– Вот ещё глупости!

– Лежит на диване, пьёт пиво и щёлкает пультом телевизора?

– Какой бред ты несёшь, Лилия! Да Никита вообще не смотрит телевизор и никогда не пьёт пиво. А дивана у нас в квартире и вовсе нет!

– Сейчас так трудно найти работу. Тем более с хорошей зарплатой. А ты теперь кормишь семью? Хотя, в принципе, разве у вас семья? У вас даже нет ребёнка.

Бьёт в больное место, змея!

– Ты, Лилия, иди, у тебя, наверное, дел невпроворот. И у меня тоже.

Работы действительно завал. Зачем я согласилась администрировать сайт? Мне хватало моих обычных журналистских обязанностей. На эту неделю я договорилась о четырёх интер-

вью... Елена, конечно, права: финансовый кризис накрыл не только планету в целом, но и наше издание в частности. Бизнесмены, прославляемые мною на страницах «Удачных покупок», не менее охотно подписывают договора на рекламу, чем раньше, однако суммы изменились – все экономят. Суеты не убавилось – я по-прежнему шныряю по городу с одного интервью на другое. А вот мои комиссионные за рекламу тают на глазах. Скоро и вовсе придётся затянуть пояс.

Но пока всё более-менее нормально, грех жаловаться. Особенно если сравнить моё положение с ситуацией Евгении. Она-то точно едва сводит концы с концами, надрываясь при этом на двух работах!

Быстро разобравшись с сайтом журнала, я задумалась. Не позвонить ли мне Ярославу Кунгурову, владельцу агентства недвижимости, выставившего на продажу сотни квадратных метров в шикарном жилом комплексе? Можно подробно расспросить Ярослава о данном предложении и выбить себе персональную скидку... Я даже распечатала из Интернета схему очаровавшей меня трёхкомнатной квартиры, уже расставила мебель и повесила шторы. Мне очень понравился район – строительная компания оторвала лакомый кусочек недалеко от центра города. Кроме того, цены на жильё в «Синей башне» вовсе не казались заоблачными. Всё верно – риелтор Борис сказал, что цены снизились из-за кризиса.

Я высчитала, что нам не хватит совсем немного, чтобы купить трёхкомнатную, если мы заберём деньги из проклятого инвестиционного фонда, снимем со счёта Никиты остатки «Лексуса» и выгребем мелкие заначки. Но разницу можно добить краткосрочным кредитом. Несмотря на то что банки невероятно взвинтили проценты, справимся. А уж если Никита встанет наконец с дивана и найдёт работу – то и подавно!

Эта квартира всецело завладела моими мыслями и даже приснилась мне прошлой ночью. Надо сделать так, чтобы и Никита очаровался идеей и начал предпринимать какие-то шаги. Хватит кормить инвестфонд, пора позаботиться о собственном будущем!

Ещё немного помедитировав над схемой нашей трёхкомнатной квартиры, сделав небольшую перепланировку (сдвинула стену в прихожей, увеличила кладовку и сократила коридор), я решительно убрала бумаги в сторону – хватит мечтать! На сегодня у меня запланировано много дел. Например, нужно подумать о моей героической соседке – подыскать для Евгении какую-то работу.

И я отправилась на поиски вакансий для Жени. На сайте трудоустройства в разделе «Секретариат» обнаружила десять новых предложений от работодателей. Надо сказать, эта рубрика пополнялась вакансиями довольно резво, не сравнить, к примеру, с номинацией «СМИ». Ради интереса просмотрела и тот раздел тоже. Для журналиста – ни одного приличного предложения. Требовались корреспонденты в информационное агентство, в бульварную газетку и на городской телеканал. Везде предлагался оклад в шесть – восемь тысяч. Учитывая, что тысячная купюра в данный момент из-за инфляции превратилась в фантик от конфеты, оставалась только посочувствовать тем моим коллегам, которые согласятся на нелёгкий труд корреспондента. К счастью, сама я в данный момент обеспечена работой выше крыши и получаю вовсе не шесть тысяч.

Побродив ещё немного по сайту, я выяснила, что местный рынок труда испытывает жестокую нехватку в «девушках с хорошими внешними данными» для работы в стрип-клубах и специальных массажных салонах. Им работодатель предлагал более высокий «уровень компенсации» – от пятидесяти тысяч рублей.

Мне вновь стало грустно. Я представила, какое количество юных дев, отчаявшись найти работу с приличной зарплатой, клюнет на приманку и испортит себе биографию.

К счастью, Женя никак не подходила под определение «девушка с хорошими внешними данными», поэтому я не стала испытывать судьбу, пытаясь пристроить подругу в стрип-клуб. Да, конечно, пятьдесят тысяч в месяц весьма ейгодились бы, она бы впала в экстаз даже и от гораздо меньшей суммы. Но здоровье и самоуважение стоят дороже. Поэтому я отпра-

вила резюме моей соседки в несколько безобидных организаций, озабоченных поисками офис-менеджеров и администраторов.

Надеюсь, хотя бы три адресата отзовутся и пригласят мою соседку на собеседование.

Как же я перед ней виновата!

Глава 5

«Шоколад» накануне открытия

Начало апреля ознаменовалось тремя солнечными днями. Солнце палило весело и жаростно, сугробы стремительно таяли, превращаясь в озёра прозрачной воды на чёрном асфальте. Так же, как и сугробы, таяла и скукоживалась моя вера в Никиту.

За четыре года совместного существования я привыкла видеть его деятельным и неутомимым. Он вставал в шесть утра, чтобы умчаться в командировку на край света для заключения важного договора; не спал ночами, развлекая французских партнёров; вывозил на лесную охоту нужных чиновников... И ещё у него оставался задор, чтобы завязать в узел штангу в тренажёрном зале, вымучивая кубики пресса на животе. А по ночам мы трением добывали огонь и, устроив грандиозный пожар, сгорали в его ликующем пламени.

А теперь?

Сейчас в Никите не больше энергии, чем в проколоте воздушном шарике. Штанга забыта, я – тоже. Просто немыслимой силы удар обрушился на любимого, раз его буквально размазало по дивану!

Нет, я не должна жаловаться. Другой мужчина на его месте ушёл бы в запой. А Никита в основном лечит израненную психику не алкоголем, а музыкой. Должно быть, это Вагнер воинственно гремит сейчас в его наушниках?

Ладно, не буду ныть. Совместная жизнь – не только завтраки в постель, подарки и романтические путешествия. Но ещё и невзгоды, проблемы, болезни, поделенные на двоих. Вдвоем мы сможем преодолеть всё что угодно... Хорошо, пусть сокровище валяется на диване и лечит себя музыкой. Надеюсь на его скорое выздоровление. Но я ужасно соскучилась по тому, прежнему Никите!

Кстати, спасибо, что надел наушники. Ничего не имею против классики, однако сейчас мне нужно срочно сочинить статью для «Стильной леди». И не так-то просто сосредоточиться, когда рядом грохочут литавры или сиреной завывает итальянская оперная дива.

«Стильная леди» – местный глянцевого журнала, который я периодически снабжаю материалами. Редактор Марина Аркадьевна всю последнюю неделю пила через соломинку мой мозг. Она делает это виртуозно: с одной стороны, давит на сознательность, с другой – прославляет мою литературную одарённость, с третьей – пугает разрывом контракта.

Пора удовлетворить мадам. Статья почти закончена, осталось всего ничего, но именно на последние штрихи и не хватает времени. О разрыве контракта с журналом «Стильная леди» не может быть и речи – я никогда не нарушаю сроки сдачи материалов и ни в чём не виновата перед Мариной Аркадьевной. Зато она всегда пытается выцарапать у меня статью за пару недель до оговоренной даты. А мне необходимо добыть ещё две статьи для специального автомобильного выпуска «Удачных покупок».

Затем я должна проштудировать биографию моего завтрашнего собеседника – иду на интервью к гендиректору транспортной фирмы. Надо добыть как можно больше информации о его предприятии, нельзя же приходить неподготовленной. Ещё хорошо бы придумать броское рекламное объявление об открытии кофеен «Золото» и «Шоколад» и прикинуть, нужна ли нам реклама на радио и ТВ и во сколько обойдутся промоутеры и ростовые куклы.

Потом зайду на читательский форум на сайте журнала и отвечу на комплименты или колкости в адрес редакции...

И последнее: Никита просил котлет. Видимо, сегодняшний ужин, приготовленный мной на скорую руку, его не впечатлил. Через пару часов после трапезы он с жалобным вздохом

сказал куда-то в пространство: «Мы уже целую вечность не ели твоих обалденных котлет!» Разве подобный вопль души можно пропустить мимо ушей?

Ни за что!

Итак:

1. Статья для «Стильной леди».
2. Две статьи для «Удачных покупок».
3. Досье на гендиректора компании «Юния-Транс».
4. Рекламные объявления.
5. Сайт журнала.
6. Котлеты.

Не поставить ли котлеты на первое место?

Котлеты для любимого – что может быть важнее?

Ах, вот ещё! Надо вновь переписать Женино резюме, иначе бедняжка никогда не найдёт нормальную работу и будет до скончания века разрываться между магазином и пельменной.

7. Резюме.

Вчера мне пришлось забирать из садика Кирилла, потому что у него поднялась температура. А Евгению не отпустили из столовой – они обслуживали мероприятие и каждый человек был на счету. Подруга чуть ли не в слезах позвонила мне на мобильник, умоляла помочь.

Разве я откажу? Сорвалась, поехала, забрала детёныша, привезла домой, уложила в кровать, сбила температуру. Сегодня утром Евгения нашпиговала ребёнка таблетками и к семи опять отправила в садик. Без вариантов. Она не может взять больничный, иначе быстренько вылетит с работы. Девятилетняя Света уже не ходит на танцы. Во-первых, некому водить, во-вторых, нечем платить.

Их папаша – козёл!

Но после реверанса в адрес папаша хочется сказать пару добрых слов в адрес государства. В мире нет более жестокого и равнодушного к своим рядовым гражданам государства, чем наше! Я смотрю на конвульсии Евгении и думаю о других таких же бедных женщинах, которые рвут жилы, пытаясь дать своим детям хотя бы элементарное – еду и одежду. Их сотни тысяч, если не миллионы! Жалкие зарплаты, издевательские пособия. Дети для нашей страны – не будущее, а сорная трава, которая пробивается и растёт вопреки всему!

– Но это было лирическое отступление, – произнесла я вслух. – Юля, принимайся за работу. Иначе раньше пяти утра ты спать не ляжешь.

На часах десять вечера!

Я заправила кофейными зёрнами аппарат и открыла ноутбук. Но тут же, хлопнув себя по лбу, вскочила из-за стола и бросилась к холодильнику.

Котлеты!

К счастью, фарш у меня был заготовлен заранее. Так как любимый теперь всегда дома, у нас солидный запас еды. Бывали времена, когда в моём холодильнике толпами вешались мыши: Никита уезжал в командировки, а я забывала, что надо поесть. Зато теперь заткну за пояс прапорщика Шматко в соревновании по созданию продовольственных запасов...

Вскоре котлеты уже пытели на сковородке, и я вернулась к ноутбуку – открыла файл со статьёй для «Стильной леди», прочитала первую строчку... Но тут за спиной послышалось какое-то движение, что-то неумовимо приятное появилось в воздухе – наверное, меня накрыло биополем любимого человека.

Да, Никита подошёл сзади и положил ладони мне на плечи. Я замерла от удовольствия и, склонив голову, прижалась щекой к его руке.

– Неужели? Ты их пожарила?! – удивился мой несчастный безработный топ-менеджер.

Я была рада уловить нотки удовольствия в его голосе.

Хоть чем-то порадовала милого друга!

– Да, пожарила для тебя котлет. У нас будет второй ужин.

– В одиннадцать вечера?

– Почему бы нет?!

– Что ж, ты неплохо придумала, – согласился Никита.

– А ещё у нас остался салат. Будешь?

– Угу.

Никита присел на стул и скользнул взглядом по раскрытому ноутбуку, потом уставился в окно. За окном мерцала чёрная весенняя ночь, шумели деревья, веяло свежестью.

Я засуетилась, сервируя для любимого тарелочку скромного вечернего перекуса: три котлеты, горка салата размером с «Титаник».

– Ты работаешь, не буду тебе мешать, – пробубнил мой рыцарь и, забрав тарелку, удалился обратно в комнату.

Я вздохнула. Почему-то решила, что мы посидим за столом вместе. Поболтаем о том о сём. Ноутбук? Его ведь можно закрыть и отодвинуть. Я собиралась осторожно, как бы невзначай, сообщить любимому о возникшем у меня плане – забрать деньги из инвестфонда и купить квартиру в фешенебельной новостройке «Синяя башня».

Но Никита не захотел остаться. Не слишком ли часто он стал пренебрегать моим обществом?

И всё равно – внутри потеплело. Аппетит есть, значит, пациент на пороге выздоровления.

Кофейни вот-вот откроются. Сначала «Шоколад», там всё почти готово. Я занимаюсь медиапланированием и уже достала Нонну бесконечными звонками и вопросами. Нонна заканчивает подбор персонала. У нас капитальная брешь – нет кондитера. По нашему замыслу, он должен готовить десерты сразу для двух кофеен. Но пока ни один кандидат не выдержал испытания. Нонна пробует приготовленные для неё десерты один за другим и всё бракует. Я даже не пробую (боже упаси!), только оцениваю внешний вид изделий и ловкость приготовления. Мы украшены пышной пеной из яичных белков, опутаны тончайшими нитями карамели, засыпаны кокосовой стружкой и дольками цукатов. Но ни один кондитер нам ещё не угодил.

Мы слишком привередливы.

Но нельзя же брать кого попало! Одна дама-кондитер на мой каверзный вопрос «А сумеете ли вы приготовить ирландский миндальный кекс?» бодро смешала в мисочке пять (!) продуктов и вскоре с гордостью продемонстрировала нам что-то вроде «зебры», столь любимой многими домохозяйками.

Нонна скривила физиономию, я горестно усмехнулась – сама идея ирландского миндального кекса была грубо и кощунственно попорана этой дилетанткой. Даже я, не кондитер, а журналист, беру для сего божественного изделия не менее двадцати различных ингредиентов, завариваю на паровой бане, мешаю, взбиваю, крошу, подсыпаю, отсчитываю капли из пипетки, снова подогреваю, замираю и не дышу... А она? Бац-бац – готово, получите.

Профанация!

– Открытие кофеен откладывается на неопределённый срок, – сделала я вывод после очередной встречи с кандидатом.

– Смеёшься? Богдан мне голову оторвёт, – вздохнула Нонна. – Будем продолжать поиски. Нам нужен классный кондитер. Без него нам не жить.

У конкурентов, в «Бисквите», с этим полный порядок. Их шеф-повар славится на всю область и постоянно выигрывает конкурсы в столице и даже за рубежом.

– Давай переманим, а? – предложила я.

Мы устроились за маленьким столиком в «Шоколаде», я любовалась каждой деталью интерьера: всё выглядело идеально. Сколько сил уже затрачено нами, но сколько всего ещё предстоит сделать!

– Точно, нам надо переманить парня из «Бисквита»! – с воодушевлением воскликнула я и начала развивать мысль. – Отличная идея. Скажи Богдану, пусть раскошелится. Отхватим уникального специалиста – парень творит чудеса. Сама я, конечно, не пробовала его марципановый торт, но когда этот шедевр лопаешь ты, я опасаюсь за твой рассудок: похоже, ты близка к помешательству.

– Что значит «лопаешь»? – хмыкнула Нонна. – Когда-то один раз отщипнула кусочек. Попробовала с чужой тарелки. Нехотя ковырнула ложечкой.

– Ну, если тебе больше нравится говорить так... Вообще-то, ты хватала его руками и жадно впихивала себе в рот.

– Не было такого!

– И сразу же заказала вторую порцию.

– Глупости какие! Да я вообще сладкого не ем!

– Ты чавкала, как болотная тина, и корчилась от сладострастия.

– Ну, хорошо, – внезапно кротко согласилась Нонна. – Чавкала. Корчилась. Впредь постараюсь быть сдержаннее.

Подруга полистала бумаги – наш маленький круглый столик был буквально завален документами. Сегодня Нонна надела очки в тонкой оправе, они добавляли ей шику.

– Кондитера переманивать не будем, – вынесла вердикт подруга. – Во-первых, это некрасиво. Во-вторых, зачем наживать себе врагов? «Бисквит» принадлежит племяннику вице-мэра, вряд ли Богдан захочет перебежать ему дорогу.

– Хм... Да уж, вряд ли. Ну, хорошо. Вариант отпадает. А кстати! Я знаю ещё одного отличного повара. Француз Гийом. Тот, что работает в «Виконте».

– «Виконт» – ресторан.

– Ну да. С настоящим французским поваром. Представляешь, какой у него уровень? Омары, суфле из артишоков, каре ягнёнка... Гийом приготовит всё что угодно не моргнув глазом. За пять минут.

– Суфле из артишоков? Бррр!

– Да я так, для примера.

– А нам надо? Юля, мы не будем превращать кофейню в шикарный ресторан.

– Тогда давай возьмём на работу Евгению.

– Какую Евгению?

– Мою соседку.

– Хм... – задумалась Нонна. – А кем? Уборщицей?

– Нонна! Я имею в виду должность шеф-повара. Тебе же очень понравился её лимонный торт!

– Не говори глупостей, – отмахнулась подруга. – Торты она печёт прекрасные, но – на уровне умелой домохозяйки, а не профессионального кондитера.

– Её вообще куда не берут на работу, – грустно заметила я.

– Почему же? Она ведь работает.

– Работает. Но мечтает обменять две с половиной работы на одну – уровнем и зарплатой повыше. Бегаёт по собеседованиям. И всё впустую. А мы не можем её к тебе пристроить? Не нужен ли офис-менеджер? Администратор?

– Нет, не нужен. Юля, я очень сочувствую Евгении, однако как работник она мне совершенно не интересна.

– Почему?

– Ты сама всё прекрасно понимаешь. На работу берут таких, как ты. Молниеносных и бездетных. Готовых думать о работе двадцать четыре часа в сутки, способных сорваться с места в любой момент. А кому нужна Евгения? У неё в голове только её дети. Да, все правильно, физиологично, она мать. Но как работодателя меня это не устраивает.

– Ты просто бессердечная капиталистка! – обиженно воскликнула я.

– Так ведь советские времена давно прошли, солнышко. Да и вообще, видела я твою Евгению. Квашня квашнёй. Так себя запустила! Хоть бы глаза подкрасила, прежде чем идти на интервью.

– У неё маленькие дети и совсем нет денег.

– Сейчас. А раньше? Насколько я знаю, до последнего момента её материальное положение было весьма неплохим, пока муж не свинтил налево. Но и его можно понять. Любоваться чучелом в халате, даже если это мать твоих детей, не много радости.

– Она, кстати, сильно похудела.

– Все, забыли про Евгению, – резко закрыла тему Нонна. – Вернёмся к нашему бизнесу. Что ты хотела мне показать?

– Образцы баннеров для журнала, – проворчала я, обиженная нападками подруги на Женю. – Ещё видео. И посмотри, что из типографии прислали. Флаеры – прелесть. Они в форме кофейной чашечки...

– Юля, я тебя умоляю! – Нонна подняла руки, выставив ладони в мою сторону, словно пыталась отгородиться от информации, готовой полноводным потоком хлынуть от меня к ней. – Не надо со мной советоваться! Делай, что хочешь, я полностью доверяю твоему вкусу.

– Да?

– Да. Нет, серьёзно! Мы сколько лет с тобой этим занимаемся вместе: я – бизнесом, ты – рекламой. Выдумывай, твори! Пожалуйста, я на всё согласна и не сомневаюсь – от твоей рекламы будет хорошая отдача.

– Ладно. В принципе, другого и не ожидала. Так, на всякий случай хотела проконсультироваться... Слушай, Нонна, как ты считаешь: сейчас удобное время для покупки квартиры?

– А что, есть идеи?

– Вот, полюбуйся... – Я выложила перед подругой драгоценный листочек с планом трёхкомнатной квартиры, лишившей меня сна, а также фотографии дома, которые скачала с сайта агентства недвижимости «СуперСити».

– И чего хотят? – нахмурила лоб Нонна.

Я назвала стоимость квартиры.

– Пусть сбавят десять процентов, тогда можно брать, – безапелляционно посоветовала Нонна. – Поторгуйся. Как я понимаю, вы с Никитой решили расширяться?

– Пока только моя мечта. Но ты считаешь, цена хорошая? А вдруг она ещё снизится? Все СМИ кричат о том, что цены на недвижимость вот-вот обрушатся. Вон, в Америке уже за один доллар можно дом купить. Вчера в новостях рассказывали.

– Но мы же не в Америке, – трезво заметила Нонна. – У них ипотека – под четыре процента годовых, и то они возмущаются. А у нас сейчас, наверное, уже все двадцать пять. Фирма надёжная? Не впарит дырку от бублика?

– Да что ты! Я прекрасно знакома с владельцем агентства недвижимости. Одно время мы очень плотно с ним общались.

– А-а...

– Вот, думаю, надо ему позвонить.

– Раз знакома с владельцем, тогда точно проси скидку в десять процентов, пусть не жмётся.

– Я рада, Нонна, что ты меня поддержала.

– Главное, чтобы Никита тебя поддержал. Деньги-то его.

– Да, тоже верно. Кстати, душа моя, утверди-ка бюджет... – вспомнила вдруг я, на стол перед подругой легла стопка и бумаг: полночи подсчитывала, во сколько нам обойдутся все рекламные акции.

Подруга поправила очки и быстро просмотрела таблицы, заполненные цифрами. Она – настоящий бухгалтерский монстр: легко без калькулятора извлекает квадратные корни из чего угодно. Поэтому уже через минуту её красивый ноготок укоризненно стучал по одной из строчек моего отчёта:

– Тебе бы таблицу умножения не мешало повторить. Что ты тут насчитала?

– Упс... – покраснела я. – Ошибочка? Подожди, сейчас пересчитаю.

Я достала телефон и стала искать в меню калькулятор, но подруга меня опередила. На секунду задумавшись, она умножила числа в уме и, аккуратно зачеркнув строчку, написала сверху пятизначную цифру.

– Ладно, это мелочи, – сказала Нонна. – В целом, ты уложились в рамки. И даже запас оставила. Богдан выделил на рекламу очень приличные деньги.

– Насколько приличные? – насторожилась я и посмотрела на последнюю страницу моего рекламного плана. Итоговую цифру я не выделила крупным жирным шрифтом, напротив, постаралась, чтобы она выглядела менее значительной, – в глубине души шевелился страх, не запрет ли сегодня Нонна мой рекламный бюджет, признав его чересчур расточительным. И вот слышу такое – уложились в рамки, оставила запас...

– Весьма приличные деньги! – улыбнулась Нонна, понимая моё волнение. – Ты поскромничала, детка. – Боже мой, а я отказалась от чёрных с золотом шаров! Решила, что они ужасно дорогие! – схватила я за голову. – Чего же ты молчала? Хотя бы намекнула, сколько денег можно потратить.

– А куда ты планировала пристроить шары?

– Хотела фасад украсить на открытие. Они невероятно красивые, но цена у них – проще купить «Феррари». Мне предложили бело-синие, но это такая проза, смотреть противно.

– Бери чёрные с золотом, – твёрдо сказала Нонна.

– Вот спасибо! Ура! Тогда я еще пару мероприятий запланирую, раз денег хватает. Нельзя тратить на рекламу меньше, чем дают. Всегда надо тратить больше и просить у рекламодателя ещё.

– Давай, оторвись по полной, – усмехнулась Нонна. – Мне не жалко. У Богдана денег куры не клюют. Пусть платит.

– Ну, как Кирилл?

– Даю антибиотики, – хмуро выдавила Евгения. – Если окончательно разболеется, заберу Светку из школы, будет сидеть с братом.

Я представила, как третьеклассница ухаживает за малышом, раскаленным ангиной до состояния огнедышащего вулкана...

Ужасно!

Но Света справится. Это не девочка, а настоящее чудо. Вернее – стихийное бедствие. Когда последний раз она очутилась в моей квартире, ей понадобилось всего десять безнадзорных минут, чтобы добраться до компа, залезть в Интернет и найти платную игру – со счёта вмиг улетели все деньги!

Если оставить Свету с больным братом, она тут же войдёт в образ и начнёт изображать реаниматолога. Главное, не хранить в доме шприцы и ампулы, а также дефибриллятор. От греха подальше.

– Просто не знаю, что ещё придумать, – вздохнула Женя.

Похоже, детство для Светы внезапно кончилось. Как было раньше? Мама забирала её из школы, вкусно кормила, везла на танцы и английский, по дороге обсуждали наряды. А теперь никакого английского, мама постоянно в мыле, на новые платья и сумочки нет денег.

– А если Кирилл заразит Свету ангиной?

– Ну, будут болеть вместе. Вот не повезло! Зиму перекантовались, весна в самом разгаре, а у нас температура.

– Бедный малыш.

– Это я бедная, – с чувством возразила Женя. – Он-то и с температурой скачет, как лось, а я с ума схожу от переживаний.

– Ты была на собеседовании?

– Ой, Юля! Сходила. Еле-еле с работы вырвалась. В магазине уже волком смотрят – постоянно отпрашиваюсь.

– И как?

– Да как обычно! Пришла, а там очередь из соискательниц. Стоят девицы в мини, с золотыми косами, с красными ногтями в полметра длиной. И тут я... такая толстая... на голове три сосульки. Взмокла, пока бежала. Надо причёску, что ли, поменять?

– Хочешь, могу сделать мелирование, – тут же предложила я. – Имею богатый опыт.

– Мелирование... – эхом отозвалась Женя.

Но с причёской ей точно надо что-то делать. Сколько мы знакомы, у неё всегда на голове пакля мышиноного цвета, которая время от времени оживает пластмассовой бигудиной. Из одежды Евгения предпочитает халат, забрызганный супом. Зато её муж Денис радовал глаз подтянутой фигурой и отлично одевался. И беспрестанно ездил в командировки...

Вот и доездили.

– И что было на собеседовании? Тебя, как понимаю, не взяли?

– Ой, Юля... Я себя перед всеми этими менеджерами по персоналу чувствую как кролик под взглядом удава. Я теряю дар речи. Они такие вопросы задают... Чувствую себя человеком второго сорта. Да, наверное, так оно и есть на самом деле. Кто я? Образование незаконченное. Этого не знаю, того не умею. Внешность – ниже среднего...

– Не говори глупостей! – возмутилась я. – У тебя нормальная внешность и незаурядные организаторские способности: ты сумела скомбинировать два скользких графика – в магазине и столовой – так, чтобы была возможность отводить и забирать из садика и школы детей. Ты освоила массу компьютерных программ, которые, возможно, тебе и не пригодятся, но уж резюме точно не испортят. Ты печёшь самые вкусные в мире штрудели. Ты поразительно выносила и неумолима...

– Но меня не взяли!

– Всё понятно, – кивнула я. – Опять мимо, тебя не взяли. Но это вовсе не означает, что ты – человек второго сорта. Сейчас я тебе открою одну страшную тайну. Знаешь, для чего нужны менеджеры по персоналу? Чтобы возвести непреодолимый барьер между хорошим специалистом и работодателем. Менеджер по персоналу будет биться до последнего, ляжет костями, но не даст выгодному кандидату встретиться с нанимателем. Ну, ничего, не кисни.

– Я не кисну, но руки опускаются.

– Будем дальше искать.

– И в кафе облом, булочки зависли.

– Какие булочки?

– Налепила в форме зверушек, а они не пошли.

– Кошмар!

– Только продукты извела. А такие милые получились звери.

– Господи, когда ты ещё успеваешь зверушек лепить? – изумилась я.

– Хотела расширить ассортимент.

– Жень, извини, что я не могу посидеть с Кириллом. У меня какой-то бешеный период. Прорва работы.

– Юля, ты и не обязана! Я очень надеюсь на антибиотики.

– Нет, послушай, давай я договорюсь и перенесу интервью на более...

– Юля, хватит! Мне стыдно сидеть на твоей шее. Я справлюсь.

Глава 6

Приключение на улице Танкистов

Через пару дней, когда Евгении назначили очередное собеседование, я решила проконтролировать процесс сборов. За окном сгустились сумерки, и Женина квартира, освещённая ярким светом, казалось особенно уютной: с кухни доносился изумительный аромат, в ванной плескалась вода и звенели детские голоса. Нигде ни пылинки, всё сверкает и блестит, а пара игрушек, забытых на диване, только подчёркивают идеальный порядок в квартире.

И как она успевает?

Где берёт силы?

Почему Денис сбежал из этого рая?

Моя однокомнатная квартирка сразу же представилась мне глухой и мрачной берлогой, где сидим по углам мы с Никитой, каждый уткнувшись в свой компьютер. Ремонта не было целую вечность, генеральной уборки – и того больше. Но главное – нет детей. Ведь всем известно: один-единственный карапуз в два счёта оживит самый унылый интерьер.

Но с карапузом у нас проблема.

– Так, показывай, что ты наденешь.

Женя послушно достала из шкафа деловой костюм и шёлковую блузку и застыла, как статуя Фемиды. Только в руках у неё были не весы и меч, а вешалки с одеждой.

– Хм, круто, – оценила я, осмотрев экспонаты и пощупав ткань. – Но, душа моя, тебе всё это невероятно велико!

– Юбку булавкой подкалываю. А что делать, Юля? Я же похудела на двадцать килограммов.

– На двадцать?!

– Ну да.

– Сколько же ты весишь сейчас?

– Семьдесят, – с затаённой гордостью сообщила Евгения.

Я внимательно посмотрела на подругу. Следы былой пухлости всё ещё украшали её фигуру, но, конечно, она капитально ужалась в размерах. Вес в семьдесят килограммов казался мне чем-то запредельным, ведь я судила с позиции моих сорока девяти, но соседке эта цифра явно нравилась – её глаза радостно вспыхнули, когда она её произнесла. Ну вот, хоть что-то положительное нашлось в её ситуации – наконец-то сбылась мечта похудеть.

– О, да ты молодец! – похвалила я.

– Смеёшься?

– Нет, я серьёзно.

– До твоих параметров мне очень далеко.

– Женя, и не надо к ним стремиться! Ведь я на грани дистрофии.

– Хотела бы я быть такой же стройной...

– Перестань. Меня повсюду сопровождает грохот собственных костей. Тебе оно надо?

Душераздирающий вопль из ванной заставил нас вздрогнуть. Потом раздался ещё один, затем – следующий.

– Там Света Кирилла купает, – побелев, произнесла соседка и ринулась вон из комнаты.

Карапузы не только ловко оживляют интерьер. Они ещё более ловко уничтожают нервные клетки родителей.

В ванной мы обнаружили совершенно мокрых и довольных детей. Все стены и зеркало были красиво украшены мыльной пеной, пластмассовая труба с занавеской валялась на полу, со Светы, хоть она и не сидела в ванне, ручьями стекала вода. Страшный визг объяснялся

просто – дети играли резиновыми динозаврами. Вопли не прекращались ни на минуту – это яростно орал трицератопс Кирилла, атакуя Светинового тиранозавра.

– Господи, напугали-то как... – облегченно выдохнула мамаша. Краски вернулись на её лицо.

– Да, весело у вас, – сказала я.

Мы вышли за дверь. Похоже, после купания детишек Жене предстоит капитальная уборка в ванной. Не сомневаюсь, она не ляжет спать, пока не приделает обратно трубу с занавеской и не отполирует до блеска краны. А так как детишки устраивают водные процедуры каждый вечер, подруга, значит, ежедневно обеспечена дополнительной порцией уборки. Кроме того, она каждый раз вылизывает кухню после ночной вахты у плиты, когда печёт свои торты и булочки. Я-то знаю, что это такое! Когда Нонна пристаёт ко мне с ножом к горлу и заставляет испечь мой знаменитый ирландский миндальный кекс, то потом приходится долго собирать с пола муку и отковыривать с лампы тесто.

Я огляделась. Ну и красота! Мне стало стыдно. У меня в хозяйстве всего лишь один мужчина, весьма аккуратный, и ни одной разрушительной козавки. Но краны в ванной вовсе не сверкают.

Видимо, я жуткая лентяйка!

– Кирилл уже не болеет?

– Слава богу, поправился. Так быстро всё прошло! Надо же, раньше была возможность с ним нянчиться – и мы неделями сидели дома. Вызывали врача, потом бегали в поликлинику то на физиолечение, то на кварц. А сейчас не могу с ним возиться, так он особо и не болеет.

– Отлично! – искренне порадовалась я за Женю.

– Ничего хорошего, – сникла подруга. – Просто теперь я с детьми не церемонюсь. И с их здоровьем тоже. Раньше бы пять раз подумала, прежде чем давать антибиотики. А теперь – раз-два, и готово, детёныш как новенький. Но ещё неизвестно, чем это в будущем аукнется.

– Печально, – тут же загрустила я вслед за подругой. – А сможешь в субботу сходить в парикмахерскую? Я тебя записала на девять утра. Посижу с детьми.

– Юля! – Подруга сделала страшные глаза.

– Ты же сама хотела изменить причёску.

– Но ведь дорого!

– Я тебе одолжу.

– В который раз... Нет, мне уже неудобно у тебя занимать.

– Ничего страшного, сейчас я с деньгами. Не отказывайся, тебе надо меняться. В таком жутком виде ты никогда не устроишься на работу.

Женя отпрянула, на её лицо тут же легла тень.

– Ой, прости! – закричала я поспешно. – Совсем не то хотела сказать! Неправильно выразилась! Вот я дура! Не обижайся!

Увы, слово – не воробей.

– Ты права. Я выгляжу как кикимора.

– Вовсе нет! Конечно, ты устала, и у тебя совершенно нет времени на себя, – затараторила я, пытаюсь загладить бестактность. – Сегодня, наверное, всю смену прыгала по магазину, как белка, передвигая товары и вытирая пыль с полок. А потом помчалась в столовую и до одури лепила пельмени и вареники. Потом ракетой полетела в садик и в школу, схватила детей, привела, умыла, приготовила ужин, накормила, проверила уроки, собрала одежду на завтра... И всю ночь будешь колдовать на кухне – наверное, получила заказ в кафе. Немудрено при таком режиме забыть о причёске и макияже, правда?

– Да что там, я ведь всегда так выглядела, – отмахнулась Женя. – Сейчас вспоминаю свою прошлую жизнь. Я думала, у меня столько дел! Ни минутки нет на себя. Крутилась с утра до

вечера – а чем занималась, спроси... Всего-то: варила, убирала, стирала, гладила, заботилась о детях.

– Ой, не говори! Всего-то!

– И куда я время девала? – задумалась Женя.

– Даже не представляю, – удручённо покачала я головой.

– Но ведь деньги-то зарабатывал Денис. А теперь...

– Да, теперь тебе нелегко. Однако вернёмся к цели моего визита. Значит, в субботу ты идёшь в парикмахерскую. И наряд надо другой. В этом костюме ты выглядишь, словно погорелец в одежде с чужого плеча, хоть костюм и дорогой.

– Постараюсь его ушить.

Она ещё и шьёт!

– И вспомни про макияж. Не дело заявляться на собеседование с умытым лицом.

– Легко сказать! Я десять лет не пользовалась косметикой. Как засела в декрете, так и забыла, что она такое.

– Надо восстановить утраченные навыки. Жень, а что ты говоришь на собеседовании, если спрашивают про детей?

– Ну как что... Правду говорю. Дочка ходит в школу, младший – в садик. С мужем в разводе, он нас бросил. А детей надо кормить.

У меня сбилось дыхание, я едва не упала замертво.

– О господи, Женя... Разве можно быть настолько честной?! Ну ты и балда!

– Да, давно подозревала, – вздохнула соседка. – А что мне говорить?

– Про мужа – ни слова. Никто не знает, что ты в разводе, и незачем об этом сообщать. Кому нужен работник с семейными проблемами? Не говори, что тебе надо кормить детей. Скажи, что, отсидев два декрета, ты вручила детей влюблённым в них бабушкам, вот они и наслаждаются. А сама полна энергии и желания работать.

– Но мои дети бабушек практически не видят!

– А кто будет проверять? Главное, донести до широкой публики мысль, что ты совершенно свободна от материнских забот.

– Я думала, им будет труднее мне отказать, если я расскажу о моей тяжёлой ситуации.

– Да нет же! Никто не станет тебя жалеть.

– Я уже догадалась. Похоже, мои проблемы не очень-то трогают экзаменаторов, которые пытаются меня на собеседовании.

– Потому что никто не мечтает взять в штат работника с проблемами. Женя, слушай, а если тебе продавцом устроиться? Есть варианты. Что ты об этом думаешь? Будешь сидеть с утра до вечера в отделе с польским барахлом и решать кроссворды. Никакой тяжёлой физической работы.

– Ну и что я там заработаю? Мне кажется, в магазинах сейчас вообще никакой выручки нет, учитывая кризис.

– И то верно. Зайдёшь, а продавцы на тебя кидаются, как людоеды.

– Да и потом, я не представляю, как весь день сидеть с кроссвордом и больше ничего не делать. На работе всё-таки хочется работать, а не умирать от безделья. Кто бы мог подумать, что так трудно найти хорошее местечко!

– Это всегда было нелегко, а сейчас – и подавно. Нет, ты не отчаивайся, мы обязательно тебя куда-нибудь пристроим.

Но с каждым днём я теряю уверенность.

Я предложила подругу всем своим знакомым, а у меня их немало, учитывая специфику профессии. Кому-то просто не нужен офис-менеджер, другие, пригласив Евгению на собеседование, потом со смущением говорили: «Извини, Юль, не наш формат». Ага, ну конечно! Видимо, ждали, что я подгоню им топ-модель с персиковой кожей и грандиозным бюстом...

Интересно, а столкнётся ли с такими же проблемами Никита, когда попробует найти работу? У него, конечно, иная ситуация. Во-первых, он не девица, а мужчина. Это огромный плюс. Во-вторых, ему не надо кормить десять ртов. В-третьих, он блестяще образован. В-четвертых, Никитино резюме (когда он его напишет) будет пестрить успешными проектами и достижениями. В-пятых... А что «в-пятых»? Ничего. Дальше косяком, как лососи на нерест, идут сплошные минусы. 1. Ушёл из «Фросткома» с крупным скандалом. 2. Очень долго работал в одной компании, утратил маневренность. 3. Его амбиции зашкаливают – он привык к роскошной зарплате, и ему будет трудно согласиться на более скромную.

Я вообще не верю, что работу можно найти по объявлению в газете или на сайте. В нашей стране всё делается через знакомых. Лучше бы Никита сообщил друзьям, что свободен и рассматривает любое предложение. Но ведь он маскируется, ни с кем не делится своей проблемой! Я понимаю, ему тяжело признаться, что из успешного, высокооплачиваемого управленца в одно мгновение превратился в аутсайдера. Однако если верить средствам массовой информации, подобная участь постигла большинство топ-менеджеров – тут Никита не одинок.

Осенью прошлого года я заблудилась в незнакомом районе города. Глупо и загадочно заблудилась. Хотя нет, очень даже объяснимо. Получив права и став владелицей машины, я и шага не делала без драгоценного «жигулёнка»: ездила в соседний магазин за мясом и через улицу – к банкомату. Ну и, само собой, на работу. Я упивалась новой игрой – крутила руль, давила на педали и с восторгом следила, как восприимчиво реагирует автомобиль на мои команды. Припарковывалась по шесть раз – добиваясь, чтоб «было красиво»...

В тот холодный ноябрьский день я отправилась на интервью, не сверившись с компьютерной картой. На автобусе добралась бы в два счёта: села бы в тот, что идет в нужный район, а по дороге выяснила бы у попутчиков остальные подробности маршрута. Но я же поехала на собственном автомобиле!

В незнакомом районе мне пришлось нелегко. Везде зачем-то понатыкано дикое количество знаков и красных светофоров – они значительно замедляют движение. Про трамвайные пути я молчу. Они таинственным образом возникают в том месте, где надо повернуть налево, а по ним грохочет здоровенная консервная банка, готовая расплющить твой автомобиль...

В конце концов, я окончательно сбилась с пути. По моим подсчётам, улица Танкистов должна была вот-вот появиться после левого поворота на ближайшем перекрёстке. Но во-первых, я не нашла перекрёстка, во-вторых, там, где я всё же почти собралась повернуть налево, какая-то скотина нарисовала двойную сплошную линию.

А я не нарушаю ПДД!

Пока.

Апофеозом моих блужданий стало торжественное освидетельствование таблички с надписью «Промышленный тупик».

Офигеть!

Промышленный тупик вместо улицы Танкистов.

Это ж надо!

Я несколько минут тупо осматривала окрестности. Небо заволочло тучами, лобовое стекло засыпало белой крупой вперемешку с каплями дождя... Означенный Промышленный тупик на самом деле был тупиком, всё по-честному. Никогда о таком не слышала. Непонятно было, где я вообще нахожусь. В мысли закралось неприятное подозрение, что я сгоряча упилила в соседний город. Вокруг высились бетонные стены, огораживающие промзону.

Пришлось выгружаться и искать подмогу. Требовался информатор, способный внятно объяснить, где расположена улица Танкистов. И главное, как до неё доехать! Но прохожие торопливо пробегали мимо, пытаясь ускользнуть и от меня, и от порывов злого ветра. Про улицу Танкистов никто даже и не слышал, а я продрогла в короткой кожаной куртке, мои руки

начали приобретать приятный фиолетовый оттенок. Когда у меня уже зуб на зуб не попадал, я заскочила в супермаркет под ярко-красной вывеской в надежде выпытать маршрут у какой-нибудь подкованной в географии продавщицы. Или у охранника.

Едва попав внутрь, я остолбенела от удивления. В десяти метрах от меня, возле одной из касс стоял мой сосед Денис, муж Евгении, и выкладывал на ленту перед кассиром покупки. В попытке Дениса затариться провиантом не было бы ничего странного и удивительного, если бы пять дней назад Евгения не проводила мужа в очередную командировку. В Нижний Тагил.

Кто бы мог подумать, что Нижний Тагил находится так близко!

Я едва не заорала на весь торговый зал: «Денис, как ты здесь оказался?» – однако, к счастью, сдержалась. Преодолев первый шок, проявила изумительные шпионские навыки – постаралась остаться незамеченной, но не упустить из виду объект. Отошла к шкафчикам для сумок и, прикрывшись дверцей, стала наблюдать.

А из-за спины Дениса выглянула хорошенькая брюнетка. Блестящая чёлка падала на глаза – удивительно светлые и красивые. Девушка сказала что-то продавщице, та кивнула и протянула ей пакет. И они – Денис и брюнетка – стали дружно сгружать в пакет свои приобретения. Обычные семейные покупки – сметана, салаты, багет, яйца, туалетная бумага.

Ничего не понимаю!

Я проводила парочку к выходу и, прижимаясь к стенам и прячась за редких прохожих, «довела» до парковки. Тут стало трудновато маскироваться, но я справилась. Впрочем, Денис был увлечён яркой брюнеткой и не таращился по сторонам. Они улыбались друг другу, болтали...

Девушка юркнула за руль красного «Гольфа», Денис сел рядом, и они очень ловко выехали со стоянки, заставленной машинами. У меня получилось менее изящно – я нервно крутила руль, тормозила, газовала, два раза заглохла. Боялась задеть соседние автомобили, а также – потерять из виду сладкую парочку.

Я цепко висела на хвосте – без году неделя за рулём, а уже занимаюсь преследованием! – не замечая ничего вокруг, кроме красного багажника «Гольфа» и номера А815МТ, и едва не въехала под «ЗИЛ». Водитель грузовика попытался сообщить мне что-то, очевидно, важное, даже не поленился открыть окно, но я не располагала временем для светской беседы – «Гольф» мог в любой момент исчезнуть из виду.

Наверное, поездка длилась всего ничего, но мне показалось – целую вечность! Путешествие закончилось в обычном дворе, забитом – даже в разгар рабочего дня – припаркованными вплотную друг к другу автомобилями. Красный «Гольф» быстро втиснулся в небольшую дырочку, Денис с брюнеткой вытащили из багажника пакеты и направились к подъезду панельной десятиэтажки.

Я с трудом выехала со двора – пришлось маневрировать задним ходом, а это гораздо сложнее, чем гарцевать на разъярённом быке или чистить перепелиные яйца. Зато увидела на торце дома табличку «ул. Танкистов, 14».

Всё-таки я нашла нужную улицу!

И что мне теперь делать?

В общем, хоть и с опозданием, но я отыскала цех кованых изделий, о котором собиралась написать рекламную статью. Умельцы делали здесь чудные вещи, просто загляденье! Но пока я разговаривала с мастерами и владельцем предприятия, в голове вертелись совершенно другие вопросы:

«Давно ли Денис использует командировки в качестве прикрытия?»

«Как можно быть таким негодяем?»

«Кто эта ослепительная брюнетка?»

«Должна ли я сообщить Евгении?»

«Не сойдёт ли она с ума?»

«Что будет с детьми?»

«Не лучше ли мне промолчать?»

«Не будет ли мое молчание предательством по отношению к Жене?»

«Что лучше – рассказать ей как можно скорее или немного подождать?»

Василий, хозяин цеха кованых изделий, вошёл в раж – я так внимательно слушала, так пристально смотрела в его лицо, не отрывая взгляда ни на секунду! Несмотря на проблемы с подбором слов, ему хотелось говорить не переставая. Это понятно: хороший слушатель – настоящий подарок для рассказчика.

Василий поведал мне о многом, снабдил отличным материалом для статьи: его цех производил более десяти тысяч наименований изделий, используя различные технологии – художественную ковку, литьё, штамповку, прокат. Здесь работали мастера своего дела, настоящие умельцы и фантазёры, их пики, розетки, балясины, поручни, цветы, листья и флюгеры околдовывали красотой. А то, как ловко, с кулацкой хваткой и рачительностью, был организован процесс, являлось, несомненно, заслугой хозяина. Чувствовалось, тут ни одна металлическая стружка не улетит просто так – поймают, переплавят и продадут.

– А мировой экономический кризис ощущаете?

– Конечно, – признался владелец, внимательно рассматривая массивную балясину, всю в изящных завитках и загогулинах. – Потому и того... решили напечатать рекламу... ну, у вас, в «Удачных покупках». Продажи снизились. Многие частные стройки это... заморожены. Люди... ну, типа, экономят... Красиво? Нравится? – Василий кивнул на балясину.

– Бесподобно! – согласилась я. – Великолепно!

Хозяин цеха довольно улыбнулся. Вероятно, сразу распознал во мне человека с тонким художественным вкусом. Внешностью Василий обладал неказистой, одет был ужасно – в клетчатую рубашку и мятый костюм, говорил с ошибками. Но всё это вовсе не мешало ему успешно управлять бизнесом, противостоять мировому финансовому кризису и строить мне глазки. Да, да, он и заигрывать успевал мимоходом!

Активный дядька, ничего не скажешь.

В конце беседы владелец предприятия подарил мне элегантный торшер. Вернее, его чугунную ножку (без абажура) в виде извивающейся лианы. Смотрелось безумно красиво, но так как я заиклилась на мыслях о Евгении и Денисе, то немного невпопад сказала: «Спасибо, но я не увлекаюсь дайвингом», чем озадачила всех присутствующих. Конечно, им-то ведь не было известно направление моих мыслей.

А направление было таким: ну почему я очутилась в магазине одновременно с Денисом? Зачем оказалась там именно в тот момент? Промышленный тупик не являлся целью моего путешествия, я могла бы прожить ещё двадцать лет и не узнать о его существовании! Я могла бы заскочить в другой супермаркет. Или в этот, но на пять минут раньше или позже... Так нет же! Долго и упорно петляя по улицам, отклоняясь от курса, блуждая, я всё-таки добралась до Промышленного тупика и вошла в супермаркет под ярко-красной вывеской именно в ту минуту, когда у кассы стояли Денис и его хорошенькая подружка.

Чтоб ей пусто было!

После мучительных размышлений я сделала вывод: совпадение не случайно. Судьба специально столкнула меня нос к носу с Денисом в момент его ужасного преступления, потому что кто-то должен предупредить его жену...

Я смотрела американские медицинские сериалы, видела, как работают там врачи, и знаю – нельзя в лоб сообщать человеку: «Знаете, ваша прабабушка только что окочу... ну, в смысле умерла». Американские врачи говорят деликатно: «Знаете, сегодня утром стояла чудесная погода, у вашей прабабушки было отличное настроение, и она решила прогуляться по тополиной аллее... но вдруг... и вот... а когда её привезли к нам... потом её состояние ухудшилось...

нам пришлось ввести ей... затем мы сделали... и всё же... мы боролись до последнего... мне очень жаль... искренне вам сочувствую...»

Вооруженная опытом американских специалистов, вечером я пришла к Жене с твёрдым намерением сберечь её психическое здоровье, но в то же время сообщить о преступном поведении мужа. Я очень хотела услышать от соседки, что Денис накануне вернулся из Нижнего Тагила, а так как у него внезапно выявилась аллергия на новый диван, приобретённый Женей в его отсутствие, то супругу пришлось срочно эвакуироваться на улицу Танкистов, 14, где проживает его младшая сестра – хорошенькая брюнетка, собственница красного «Гольфа» под номером А815МТ.

– Привет! Как дела? Муж не вернулся? – с порога стала я прояснять обстановку.

– Юль, да он же в Нижний Тагил умотал на целую неделю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.